

# Светлана Багдерина

## Не ходи, Эссельте, замуж

В Большом зале пиров королевского замка Гвента приглушенный гул голосов смешивался с едким дымом священных трав, убойным ароматом подгоревшей вепрятины, слабым, почти теряющимся в оранжево-желтых отблесках многочисленных факелов светом закопченной хрустальной люстры под таким же закопченным потолком, и создавал атмосферу настороженности, выжидания и стыдливой неловкости.

Приглашенные на прощальный пир сидели, уткнувшись носами и бородами в свои ломти хлеба, служащие им блюдами, тарелками и скатертями одновременно, и с немногословной сосредоточенностью раздирали руками наваленные перед ними куски мяса, безрадостно прихлебывая потин из бронзовых кубков. Там, где в иное время звучала бы похвальба, шутки и дружеская перепалка,<sup>1</sup> время от времени перекатывался лишь тусклый звон кубков о глиняные бутылки с потином

---

<sup>1</sup> Местами переходящая в дружескую потасовку с дружеским мордобоем, не менее дружеским членовредительством и исключительно дружеским нанесением тяжких телесных повреждений.

да выдавленные через силу комментарии в адрес меню, чтобы хоть как-то заполнить гнетущую, наполненную чуждыми, пустыми звуками, тишину.

Хотя, если присмотреться, то было еще одно занятие, выполняемое гостями через силу.

Собрав всю волю в кулак, пирующая знать демонстративно не смотрела в одну сторону.

В сторону единственного пустого места во главе переполненного стола. Пустого места, зиявшего для всех пришедших этим вечером подобно провалу в ткани реальности, подобно проходу в иной мир, подобно несмываемому пятну на коллективной совести Гвента.

Пятну позора.

По правую руку от незанятого трона прислуга перед началом пиршества принесла широкую длинную скамью, постелила свежего сена, накрыла его медвежьей шкурой, набросала подушки, и теперь на этом месте полусидел-полулежал молодой человек лет двадцати пяти. Глаза его были закрыты. По бледному лицу то и дело пробегали волны боли — физической ли, душевной — нескромному наблюдателю оставалось лишь гадать. Бескровная рука кронпринца слабо сжимала ножку серебряного кубка. Самые соблазнительные кусочки мяса медленно остывали перед ним нетронутыми с начала пира.

По левую руку от пустующего трона сидел —

пока вдруг не поднялся с места — длинный жилистый старик с гривой седых волос, тщательно уложенных в творческом беспорядке, и искусно взлохмаченной бородой.

— Тишины прошу! — надтреснутым, но звучным голосом прокашлялся он, и теплящаяся еще в вечеринке жизнь замерла окончательно.

— Провожая нашу милую Эссельте в последний путь, — сурово окидывая пронзительным взором аудиторию, притихшую, как мыши перед кошкой, — мне хочется сказать ей в напутствие несколько ласковых слов мудрости.

Слуга в зеленой с желтыми рукавами ливрее подскочил к занавешенному тяжелой пурпурной портьерой проему и торопливо отдернул ее в сторону.

— Его премудрие архидруид Огрин хочет сказать ее высочеству принцессе Эссельте пару ласковых! — добросовестно передал он в женскую половину зала пиров, открывшуюся перед косыми сконфуженными взглядами гостей.

Стройная женская фигурка неспешно отделилась от общего стола в глубине малого зала и так же медлительно, будто во сне, подплыла к самому порогу.

— Я... готова выслушать... старого Огрин... — еле слышно пролепетала девушка.

— Ее высочество принцесса Эссельте горит

нетерпеливым желанием припасть к бездонному живительному источнику мудрости наших предков, имя которому — архидруид Огрин! — без запинки отрапортовал в большой зал слуга.

Старик покачал головой, трубно высморкался, уселся на место и принялся тереть рукавом увлажнившиеся внезапно глаза.

— Какая почтительность... какое воспитание... какие манеры... И всё это будет потеряно... растоптано... брошено в навозную кучу перед этим животным... Морхольтом... Какая жалость... Нет, я не могу говорить... не могу... Такой момент... такой момент... Бедная девочка... Кириан, спой нам лучше пока что-нибудь... на злобу дня... А я попозже... скажу...

За дальним концом стола упитанный светловолосый человек, увешанный арфами, лютнями, лирами, дутарами и гуслиями как новогодняя елка — фонариками, закашлялся, щедро обдавая расположившийся перед ним ломоть хлеба с обглоданными костями алкогольным спреем, торопливо отставил в сторону почти опорожненный оловянный кубок и с готовностью вскочил на ноги — энергично, но не слишком твердо.

— Щас спою, — убедительно пообещал бард, походкой моряка, впервые сошедшего на берег после трехмесячного плавания, прошествовал на середину зала. Слуга притащил табуретку, и

Кириан с нескрываемым облегчением опустился на горизонтальную твердую поверхность, правда, едва не промахнувшись.

Привычным жестом водрузил он на колени золоченую арфу, пробежался слегка дрожащими, но всё еще верными хозяину и годам практики пальцами по струнам, настраивая — «соль-мими, соль-мими, соль-фа-ми-ре-до...», нетрезво наморщил брови, так и норовящие уползти под линию волос, и старательно объявил:

— В этот ухахальный ... то есть, опухальный ... кхм... эпохальный, конечно же я имел в виду... день... в смысле, вечер... переходящий в ночь... если быть точным... тоже опухальную... я хотел бы исполнить только что сочиненную мной балду... балладу... «Балладу об Уладе»!

— Валяй, бард!

— Давай!

— Порадуй!

— Хоть ты...

Кириан зарделся, откашлялся прилежно, склонил голову, будто собрался сперва часок вздремнуть, и вдруг взмахнул рукой, ударил по струнам и грянул во всё кирианово горло:

О Гвент! Священная держава

Крестьян, купцов и рыбаков.

Взгляни налево иль направо —

Никто рифмованных двух слов  
Связать не может. Лишь Кирьян,  
Стихи строчит, когда не пьян.  
Итак, приступим. В славном Гвенте  
Конначта собирает рать,  
Войска растут по экспоненте,  
Соседей надо покарать.  
Соседи те — улады злые.  
Народец склочный и сварливый,  
Коварный, пакостный, драчливый,  
Жестоковыйный и спесивый.  
Пока гвентяне в сладкой неге  
Неспешно дни свои влачат,  
Улады буйные набег  
Злоумышляют и творят.  
Грабители, придурки, гады,  
Невежи, психи, казнокрады,  
Козлы, бараны, быдло, стадо!  
Вот подлинный портрет Улада!  
Воистину, Улад — не Гвент,  
Он всех пороков абсорбент.  
И вот провозгласил Конначта:  
Вперед! За Гвент! Забьем Улад!  
Взвился штандарт на главной мачте,  
И двинулся вперед армад.  
Чего? Армада? Вот нахал, а?  
Певца осмелился прервать!  
Гоните умника из зала!

Прогнали? Можно продолжать?  
Итак, армад, то есть армада —  
Корвет, два брига и фрегат,  
Достигла берегов Улада,  
И в страхе побежал Улад...

Зал притих — всем было любопытно услышать описание событий, свидетелями или участниками которых они почти все были, в таком виде, в каком они войдут в историю. Пусть летописцем Гвента сейчас был не какой-нибудь дотошный архивариус, пергаментно-чернильных дел мастер, а болтун и пьяница миннезингер, но именно при таком раскладе мемуаров, знали ушлые гвентяне, их легче всего редактировать на стадии зарождения.<sup>2</sup>

Пока всё шло, как было.

То есть как не было.

Глотнув безалкогольного меда с пилюлей для прочистки замутненных потином мозгов до состояния стеклышка, хотя бы матового, из заботливого поданного слугой кубка, Кириан крикнул, утер плечом военно-защитного цвета рот, размазывая по щеке то ли напиток, то ли

---

<sup>2</sup> Путем строгого внушения их автору, с занесением под левый глаз в случае необходимости.

некачественный краситель ткани,<sup>3</sup> и утробным голосом продолжил:

Уладья стража пограничья  
Сражалась с грацией девичьей,  
В один момент рассеял Гвент  
Сей смехотворный контингент.  
Да, сам фельдмаршал Карто-Бито  
Остался бы доволен битвой.  
Блицкригер, старый генерал,  
От восхищенья б зарыдал.  
Остатки жалких войск Улада,  
К столице шустро отойдя,  
В ней заперлись. Исчадья ада!  
Сыны коварства и вранья!  
На штурм войска повел Конначта  
Монарх великий, храбрый вождь.  
Он рубит, колет, режет смачно,  
Что для него смертельный дождь  
Из вражеских презренных стрел?  
Поползновения улады  
Тщетны. Конначта, как олады,  
Уладьев тех на завтрак ел.  
Мечом своим монарх махает —  
Улады головы слетают

---

<sup>3</sup> «Сделано в Вондерланде. Красильня «Веселая радуга».



С уладьих плеч, и уж готов  
Холм из отрубленных голов!  
Монарх еще махать желает —  
Не может! Головы мешают!  
Такою хитростью порочной,  
Посредством вражеских голов,  
Конначта обездвижен прочно.  
Я плакать, я рыдать готов!  
Беда! Улады, торжествуя,  
Гурьбой Конначту в плен влекут  
Герольды их, победу чуя,  
Уже стишки свои плетут.

Искося пробежавшись взглядом по физиономиям аудитории, Кириан самодовольно усмехнулся под нос: кажется, рыдать, вытискивая из-под шлема пучки волос и раздирая ногтями кольчугу на груди, готов был не только он.

Гости прощального пира приумолкли, меланхолично подперев вымазанными в жире и соусе ладонями небритые подбородки. На нетрезвых глазах маячили мутные, как деревенский первач, слезы.

— Так оно всё и было, так и было... — грузный краснолицый эрл растроганно высморкался в полу камзола соседа справа.

— А я-то думал, что мы в сумерках и неразберихе после атаки уладов просто... э-э-э-э...

забыли короля... где-то... — брезгливо отбирая у sentimentalного, но влиятельного эрла парчовую полУ ценой в полкоровы, смущенно пробормотал сосед.

— Дурень ты, Динан, хоть и герцог, — сердито зыркнул на него эрл и потянул полу на себя.

— А может, ты получил могучий удар вражеским топором по голове, и поэтому всё позабыл? Ретрогородная анестезия памяти? — примирительно предположил бородатый маркиз слева, растроганный балдой Кириана и, ненавязчиво подавая пример хороших манер эрлу, элегантно вытер нос кулаком.

— Н-навверное... — быстро согласился дурень-герцог, и тут же придумал еще одну уважительную причину. — А может, я просто пьяный был, не помню... Пивоварня-то уладская как специально была у той деревни построена, где мы высадились.

— Так специально, поди, и была... — с отвращением сморщился эрл при воспоминании о вкусе недоваренного трофейного уладского пива.

Все в пределах слышимости понимающе закивали: они тоже были там. Они свидетели. Против такого оправдания не выдерживало ни одно обвинение. То, что улады — коварный народец, способный еще и не на такое, они знали и до этого.

После такого пива самый образцовый воин позабыл бы, где у него руки, а где меч.

— Вот видишь! Ты не помнишь, а Кириан тебе раз — и напомнил, — уже мягче заметил эрл.

— Так его ж с нами там не было! — недоуменно поднял брови Динан. — Вроде?..

— Таким как он в этом нет необходимости, — снисходительно усмехнулся лысый граф справа.

— Вот что значит — волшебная сила искусства... — уважительно покачал головой герцог, неровно хлопнул несколько раз в ладоши, опрокидывая попутно локтем почти полную кружку эля на галантного маркиза, и требовательно выкрикнул:

— Дальше давай, бард! Что там дальше было-то?

— Дальше! Дальше! — с энтузиазмом подхватили клич пирующие.

— И пой помедленнее — я записываю... — ворчливо выкрикнул из самого дальнего и темного угла старший королевский хроникер.

Удовлетворенно кивнув, певец отхлебнул мед из дежурного кубка, тронул гибкими пальцами струны и, трагически нахмурившись, затянул:

...Тогда на штурм идут гвентяны,  
Чтоб короля освободить.  
Но их могучие тараны

Не могут стены проломить.  
Три дня столицу штурмовали,  
Уладов много положили,  
Тараны все переломали,  
Монарха не освободили.  
И тут дотумкал умный кто-то  
Что надо пробивать ворота,  
Не стены! Ведь они же крепче!  
Сломать ворота будет легче!  
Но нечем пробивать ворота —  
Тараны все разбиты в щепки.  
Сказал же Врун<sup>4</sup> из Багинота:  
Не тем умом гвентяне крепки.  
Пришлось, набив добычей трюмы,  
Поникнув гордой головой,  
Во власти смутных дум угрюмых  
Вернуться гвентарям домой.  
А вслед за ними уж поспешно  
Корвет уладьев мчится грешных.  
С послом уладским на борту.  
Немыт он, пахнет изо рту.  
Сей малоценный господин,  
Держа свой нос задратым,  
Из узких достает штанин

---

<sup>4</sup> Врун или Вруно — гвентское произношение имени Бруно.

Уладий ультиматум.  
«Согласны мы вернуть Конначту,  
Мир заключить, а надо только,  
Соединить союзом брачным  
Эссельте Гвентскую с Морхольтом.  
Ну и в торговле послабленья,  
Как дружбы знак и уваженья.  
А коль не согласитесь вы —  
Не снести Конначте головы».  
Таков расклад. Таков Улад.  
Таков посол уладский. Гад.  
Таков Морхольтишка бесчестный,  
Таков уладий нрав злобесный.  
Будь трижды проклят ты, Улад,  
И трижды тридцать раз проклят...<sup>5</sup>

\* \* \*

Масдай утомленно замедлил ход, потом завис над кромкой поля, покрытого зелеными проростками, как небритые щеки земли, и неохотно шевельнул кистями, словно ощупывал налетевший теплый ветерок.

---

<sup>5</sup> Здесь и далее Кириана «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

— Дальше куда? — устало прошелестел он, и задремавшие было на солнышке люди встрепенулись и закрутили головами.

— Если мы здесь... и нас не снесло ветром, предположим, сюда... или сюда... или, возможно, сюда... то тогда нам сейчас на запад... потом на север... после этого на юго-восток... — принялся добросовестно водить пальцем по старой желтой карте из Адалетовых запасников специалист по волшебным наукам.

— На запад... потом на север... после этого на юго-восток... — сосредоточенно бормотал Масдай, старательно аккомпанируя себе шершавым речитативом при выполнении агафоновых инструкций. — Хммм... Думаете, он знает лучше?

— Кто?..

— Что?..

— Где?..

— Юго-восток?

— Причем тут?..

— Вот он.

Три головы свесились с края ковра и уставились в четыре испуганные пары глаз.

Одна из них принадлежала толстопузому мужику в помятой войлочной шляпе, пожеванной кацавейке и с кнутом, отчаянно изгоняющему телят с потравленного поля.

— Ох, не виноват я, не виноват, скотина

глупая, молодая, сама ушла, с дороги сбилась, бестолковая, а я сразу как увидал, за ней кинулся, оне и потоптать ничего толком не успели... — запричитал слезливо застуканный с поличными пастырь, с каждым словом усердно приشلепывая рукояткой кнута по тощим коровьим крестцам.

— Врет, — с видом знатока приговорил Агафон — эксперт по дисциплинам не только магическим, но и сельскохозяйственным. — Заснул, каналья, вот все и разбрелись куда попало. Ох, будет ему от хозяина поля на орехи с медом, ох и будет...

Пастух перестал шпынять безрогих голенастых беглецов и тоскливо втянул голову в плечи.

— Пожалейте горемычного-несчастливого... сирота я... живу бедно...

— Так работать будешь — вообще по миру пойдешь, — сурово постановил ковер.

Мужик шарахнулся — то ли от предсказания, выполненного нечеловеческим голосом, то ли от его источника — и загрустил совсем.

— Ладно, с хозяином они потом договорятся, — нетерпеливо махнула рукой Серафима. — Ты нам лучше скажи, пейзаин, где мы сейчас находимся и как скорее попасть в вашу столицу?

— А вы не расскажете старосте Марку... или

эрлу Ривалу... что я... мы... они...

— Забот у нас других нет, — презрительно фыркнула царевна.

Мужичок повеселел.

— Находитесь вы рядом с деревней Ячменное Поле сиятельного эрла Ривала, да продлится его род и его дни до бесконечности, — радостно набрав полную грудь воздуха, затараторил энергично он. — А в столицу нашу вам попасть очень просто. Летите сейчас туда, прямо, до перекрестка, а после следуйте вдоль дороги на запад, никуда не сворачивая. Если погода будет летняя, через полтора-два дня будете в Гвентстоне как миленькие! Эт только если пешком, так туда ажно неделю пилить, пока все ноги до шеи не сносишь, а на ковре-то вашем — вжик — и там! Живут же люди... Но если встретите по дороге старосту Марка или нашего блистательного эрла Ривала — уговор! — не говорите ему... пожалуйста... уж...

— Уж не скажем, — милостиво согласился Олаф, и ковер-самолет сорвался с места в указанном направлении, не дожидаясь официального уточнения курса со стороны их штурмана, потерянно заметавшегося пальцем по карте.

Серафима отвела взгляд от пейзажа, пришедшего под ними в резвое движение, и склонилась над неподвижно лежащим супругом.



Дыхание вырывалось его из груди ровное и глубокое, и выражение неопишемого блаженства светилось умиротворенно на ивановом осунувшемся от дорог и бессонницы лице. Под щекой его, шевеля шерстинками на пролетающем мимо ветерке, покоился варговый малахай, заботливо сложенный царевной в форме подушки.

— Спит? — шепотом, способным разбудить мертвого, деликатно полюбопытствовал из-за спины Олаф. Иванушка мертвым не был, поэтому лишь перевернулся на бок и засопел в другой тональности.

— Спит, — хмуро пробормотала через плечо царевна. — Третий день ведь уже... по-моему... с той самой ночи, когда ему осколком того шара по лбу прилетело...

— Так пригибаться надо было, я ж кричал!.. — в который раз попытался оправдаться там, где никто его не винил, чародей.

— Фригг говорила, что когда действие ее зелья кончится, проспит он не меньше нескольких дней, — с авторитетным видом одного авторитета, ссылающегося на авторитет другой, сообщил отряг.

— Так прошло уже несколько дней-то, — брюзгливо заметила царевна.

— Значит, это не то несколько прошло. А когда пройдет именно то, которое Фригг имела в виду, тогда и проснется. Если Фригг так сказала,

значит, так тому и быть, — убежденно проговорил конунг.

— Ничего, пусть отдыхает. Намучался, бедный, — сочувственно проронил Масдай.

— Жалко... — меланхолично заметил Агафон.

— Да ну, теперь-то его чего жалеть, отоспится хоть за все недели...

— Да не его... Нас жалко. Нам же теперь по ночам приходится в темноту глаза пялить, — зевнул уже успевший вкусить все прелести ночного бдения маг.<sup>6</sup>

— Если не нравится, можешь отправляться обратно в Школу, — сварливее, чем хотела, парировала Сенька.

— И прозевать самое интересное?! — едва не выпустив на волю ветра карту, студент скрестил руки на груди и возмущенно вскинул брови. — Теперь, когда ренегаты больше не докучают, и вообще ничто нам не угрожает? Бросить в самом начале бесплатный круиз по Забугорью и прочему

---

<sup>6</sup> При всей благодарности за спасение под защитным куполом, позволить Агафону установить еще хоть раз что-нибудь подобное язык не поворачивался ни у кого. Включая Масдая, у которого язык отсутствовал как анатомическая подробность.

Белому Свету, на который я столько безуспешно копил?!.. Не дождетесь! Тем более что меня, наверное, в Малых Кошаках уже хватились, наябедничали ректору, подняли суетню, беготню, болтовню, личное дело, расстрельную команду... Так что избавить меня от исключения может теперь исключительно Гаурдак, и никто иной. Поэтому забираем этого Конначту, или кого он там пошлет вместо себя — и вперед, спасать мир! Ну и меня, конечно...

\* \* \*

— ...Бери, бери, не спи на ходу!..

— Туда тащи, туда, чтоб тебя акулы съели, тупица, чего посреди сходней вытарашился, как рак морской!..

— Это сюда, это сюда, это личный багаж принцессы, осторожно!..

— Да не сюда, болваны, под навес несите!..

— А лучше в трюм!..

— Сюда, туда, сами не знают, чего хотят...

— Поболтай еще мне, языкатый! Язык-то укорочу!..

— А это приданое, это тоже в трюм!..

— Куда?..

— Оглохли вы, что ли?! Сказали же — в трюм!!!..

- Сказали, сказали...
- Много тут чего уже наговорили...
- Не разговаривай, неси, куда сказано!..
- Куда нести?..
- Куда сказано?..
- Под навес неси, дурень!..
- Под навес, под ненавес...
- Капитан Гильдас, капитан Гильдас!!!
- Чего еще?!

— Картёж, капитан, картёж!!!!..

— У-у-у-убью бездельников!!! Где картёж, Фраган?

— Вон, вон там!!! Королевский картёж едет!!!

— Что?!.. У-у-у-у, дурак!.. Сколько раз тебе говорить — не картёж, а кортэж!

— Да хучь кортешь, хучь картёж — а всё одно ить едут!

— Принцессу везут, принцессу!!!

— Рты позакрывали!!! Бери больше, тащи, тащи бегом — за что тебе только деньги платят, моржу толстомордому!.. И дорогу, дорогу картёжу... тьфу, рак тебя за ногу, кортэжу освобождайте!!! Фраган, не спи!

— Ач-чистить подъезды!!! Позакрывать рты!!! Бери больше, кидай дальше!!! Дорогу королевскому картоэжу!!!!..

Суета и суматоха в порту Гвентстона подобно волне-убийце взметнулась неистово, захлестнула

без разбору правых и виноватых, достигла своего разрушительного апогея и схлынула, оставляя после себя перевернутые бочонки, ящики, корзины и растерянно хватающих пропитанный солью и гниющей рыбой воздух докеров и моряков, шарахнувшихся в разные стороны от причала борта номер один.

Из-за приземистых деревянных складов, опоясывающих холм, на котором вольготно расположилась славная столица Гвента, лихо выскочило с десятков свирепого вида бородатых воинов на разномастных скакунах, а за ними, дребезжа по выщербленной разбитой мостовой, влекомая четверкой белых лошадей, выкатилась покрытая золотым лаком карета класса «лимузин».

Яростно рыкнув на замешкавшихся поблизости от трапа работников, воины закончили начатое капитаном Гильдасом и его верным боцманом дело, спешили у трапа и застыли в почтительном ожидании. Парой секунд позже, едва не переехав почтительно выскочившего навстречу капитана, экипаж мягко затормозил рядом со своим зверовидным почетным эскортом. Кучер быстро намотал поводья на ручной тормоз, резво соскочил с козел и метнулся открывать пассажирам дверь.

Первым по откинутой лесенке спустился высокий суровый костистый старик с таким же высоким и узловатым, как он сам, посохом, с

жидкой белой бородой до скрытых коричневым холщовым балахоном колен, элегантно спутанной рукой тупейных дел мастера, и в широкополой фетровой шляпе, украшенной ветками омелы.

— Архидруид, архидруид!.. — прокатился благоговейный шепоток по толпе зевак.

— Огрин!..

— Мастер Огрин!..

— Неужто он нас покинет?..

— А кто будет предсказывать восходы?..

— И закаты?..

— И говорить, когда в каменном круге и в какую арку каким прищуренным глазом будет видно солнце?

— Его и так видно, между нами, моряками, во все арки, если оно вообще на небе есть, и всеми глазами сразу...

— Но без него его видно просто так, а с ним — по науке! А на это недели вычислений, поди, уходят!

— Прямо таки недели?!

— Ага!

— А откуда ты знаешь?

— Друиды сами так говорят!

— А еще они гороскопы составляют! Я, например — дуб!

— Оно и видно...

Не подавая виду, что слуха его коснулось

что-то еще, кроме плеска прибоя и визга чаек, архидруид хмуро, но с достоинством отступил в сторону, давая выйти следующему пассажиру.

Им оказался приземистый упитанный гладко выбритый желтоволосый мужчина лет сорока-сорока пяти, одетый в серую шелковую тунику, украшенную на груди и плечах тонкими серебряными кольцами, сплетенными в подобие кольчуги. В руке его была стиснута позолоченная арфа. Подмышкой зажат тамбурин. Из-за голенища сапога угрожающе торчала флейта. На толстом ремне за спиной, на котором солдаты носят мечи, в колчане цвета хаки покоился тяжелый саксофон. На пухлой надменной физиономии человека-оркестра застыло кислое, глубоко неодобрительное выражение, относящееся то ли к текущей ситуации в частности, то ли ко всему Белому Свету вообще. Вокруг него витали сногшибательные сивушные пары вчерашнего прощального пира.

— Кириан, глядите!..

— Неужто сам придворный бард поплывет к уладам с принцессой?!

— Он будет им там играть и петь свои баллады!

— Так им и надо, крапивному семени.

Вслед за бардом, кипя и покрываясь багровыми пятнами от возмущения нахальством похмельного песнопевца, посмевшего выскочить из

кареты задолго до своей протоколом определенной очереди, на мостовую грузно вышагнул не менее похмельный эрл Ривал — двоюродный дядя принцессы по матери.

Памятуя эрлов крутой нрав и видя его настроение, <sup>7</sup> легкомысленным комментарием, щедро отпускаемым по адресу каждого нового прибывшего, народ предпочел немного побезмолвствовать и подождать следующего пассажира королевского экипажа.

Это была принцесса.

Из полумрака роскошно-пыльных каретных внутренностей показалась и осторожно ступила на перекладинку откидной лесенки крошечная ножка в синей атласной туфельке. Потом протянулась белая, как молоко, ручка, полуприкрытая свисающим едва не до земли рукавом из голубого пенного кружева, медленно, как во сне, опустилась на торопливо протянутую дядюшкой загорелую и загрубелую ручищу, и замерла.

Толпа сочувственно охнула.

— Бедняжка...

— Не хочет ехать в уладово королевство  
взамуж...

— А ты б на ее месте хотел бы?

---

<sup>7</sup> А вернее, полное отсутствие оного.



— Что я, баба?

— А бабой был бы, так хотел бы?

— Да провались они все к сиххё со своим Морхольтом, дикари чокнутые!

— Во-во...

— Я и говорю — бедняга...

Из кареты донесся тихий вздох, слышимый разве что Ривалу, равномерно-багровому теперь под цвет своего кафтана. Нежная ручка дрогнула, тонкие пальцы, унизанные кольцами, судорожно сжались, и взорам притихших зевак предстал сначала голубой парчовый колокол юбки, потом — лазоревая кружевная шляпа, утопавшая в буйстве перьев, фруктов, птичек и увенчанная дотошно выполненной моделью каравеллы с наполненными ветром накрахмаленными парусами, и только после всего этого — сама принцесса.

Лицо ее, и без того белое от природы и присыпанное рисовой пудрой по последней шантоньской моде, было осунувшимся, и на фоне вопиюще-алой помады казалось почти бескровным. Золотые локоны, свитые в замысловатые кольца и кудри и заботливо уложенные руками горничных, изящно обрамляли скорбный лик девушки, наводящий, скорее, на мысль о предстоящих похоронах, нежели свадьбе.

— Эссельте, пойдем, не задерживайся, — хмуро зыркнув на толпу из-под кустистых бровей, с

плохо сдерживаемым нетерпением проговорил эрл. — Надо успеть отплыть с отливом. Капитан?..

— У нас есть еще полчаса, — услужливо подсказал Гильдас. — Не волнуйтесь, ваше сиятельство, я пересекал пролив Трехсот островов три тысячи раз, если не тридцать. Всё пройдет как по маслу.

— Перед смертью не надышишься, — к месту и ко времени торжественно процитировал Кириан, обдав зевак перегаром, и был одарен принцессой и ее дядей жгучими, как бхайпурский перец, взорами.

Дальнейшая выгрузка свиты прошла быстро и без происшествий.

Вдогон за Эссельте из бескрайних просторов кареты на щербатую мостовую выпорхнули три горничных, возбужденных предстоящей дальней дорогой в заморские края, все в платьях серых, но замысловатого кроя. Процессию замыкал нервный худощавый молодой человек в черном. Его широкополая, как у архидруида, шляпа была надвинута низко на глаза. Обе руки последнего пассажира были заняты массивным деревянным сундуком с обитыми железом углами, на крышке и боках которого красовались нарисованные змеи, любовно обвивающие стоящего по стойке «ноги вместе, руки врозь» улыбающегося человека.<sup>8</sup>

---

8 Святого Кирхиддина Уладского — покровителя

— Мастер лекарь, девицы — сюда, проходите, Фраган покажет, где ваши места, — капитан Гильдас ненавязчиво перехватил застывших в неуверенности у трапа придворных принцессы и передал в надежные руки боцмана.

Эрл и архидруид, как бы невзначай, но неумолимо взявшие под локотки принцессу, угрюмо обожгли тяжелыми взглядами случившихся на причале провожающих и решительно ступили на трап, увлекая бедную жертву большой и неуклюжей гвентской политики за собой. Из отбывающих на чужбину на земле родного Гвента остался стоять лишь Кириан с запахом перегара, отрешенно покачивающийся под утренним бризом.

— Мастер бард? — вежливо окликнул его капитан, нарушив рассеянную медитацию человека искусства. — Свита ее высочества уже на борту в полном составе. «Гвентянская дева» готовится отдать концы.

---

гвентских целителей. По старинной гвентской легенде первое, что сделал святой отшельник Кирхиддин, сбежав из Гвента в Улад на ПМЖ триста лет назад — изгнал с территории своей новой родины всех змей. Естественно, в Гвент. Где раньше змей не было как класса. И теперь не самую малую часть своего дохода Гвент получал от продажи по всему Забугорью, в том числе и в Улад, лекарств на змеином яде, а его лекари, овладевшие тайнами клыков гремучников и гадюк, славились по всему Белому Свету.

— Она была готова отдать концы сразу, как только услышала о решении принца Горвенола обменять ее на отца, — загробным голосом выдавил певец. — Бедная девочка, бедная, бедная и еще триста раз беднее того...

Гильдас пожал плечами и спешно опустил глаза, ссутулившейся спиной ощутив буравящий взор эрла Ривала с борта судна. Команда его и грузчики подались назад и запереминались с ноги на ногу, задумчиво изучая портовый мусор на щелястых мостках.

— Трусы... трусы все... — страдальчески скривившись, прохрипел музыкант, покачнувшись, устанавливая левую ногу на удачно подвернувшийся перевернутый бочонок, водрузил арфу на колено, закрыл глаза, спотыкаясь, прошелся пальцами по струнам и надрывно запел:

Я проснулся в слезах,  
Я рассолу хлебнул, я пришел на причал,  
Я остался в слезах, узрев, какие мы здесь.  
Гвент объяла печаль,  
Ведь принцессу прекрасную жаль,  
Вселенская скорбь,  
Эссельта-Морхольт,  
Странная смесь.  
Пльиви, принцесса, пльиви,  
Смелей, не робей, себя не жалей,

Плыви над темной водой, под темной звездой,  
в темный Улад

И добрую весть неси нам скорей,  
Что славный монарх,  
Отец гвентарей,  
Вернулся назад.

— Н-нууу, завыл, пьянчуга... — в  
воцарившейся ломкой больной тишине с палубы  
«Гвентянской девы» донесся наполненный ядом  
горечи и злости тихий голос эрла. — Эй, Кириан!  
Если не хочешь проделать весь путь до Улада  
вплавь, кончай немедленно песнопения и неси свою  
проспиртованную утробу сюда! Да пошевеливайся,  
сикамбр, чтоб тебя сиххё утащили! Отлив на носу!

— Труссы... Все труссы... все до единого... —  
бормотал певец, поспешно закидывая арфу за плечо  
и устремляясь по шаткому трапу наверх. — А  
трусливей всех — я... Но это только судьбу битвы  
решают храбрецы... А судьбы держав решают  
труссы.

— Чего ты там еще бухтишь? —  
неприязненно прорычал Ривал, и удивился, когда  
его вопрос заставил похмельного барда внезапно  
остановиться посреди трапа, хлопнуть себя арфой  
по лбу, развернуться и броситься назад.

— Эй, ты куда?!

— Я это... сейчас... семнадцать мгновений —

и я в ваших объятьях... — пообещал через плечо Кириан, выудил из-за пазухи круглую разукрашенную гербами коробочку размером с ладонь и торопливо наклонился, огрев себя по затылку саксофоном, съехавшим от такой акробатики с привычного места.

— Чего это ты?.. — подозрительно прищурился эрл.

— Подарок... принцессе... на свадьбу... — натужно просипел музыкант, быстро работая пальцами свободной руки.

\* \* \*

— ...И сейчас моя сестра Эссельте Златокудрая плывет в Теймре, столицу Улада... чтобы выйти замуж за Морхольта... первого рыцаря короля Мугена... брата королевы Майренн... в обмен на свободу отца... и обещание не нападать на них... пока они ведут войну с эйтнами на севере. Ну и некоторых торговых преференций...

Шепот раненного тихо сошел на нет, и Серафима обеспокоенно вытянула шею, вглядываясь в бледное, как простыня, лицо и закрытые глаза кронпринца на предмет видимых еще признаков жизни.

— Всё, уходите, уходите, уходите, — почти

беззвучно, но от этого не менее гневно обрушился на них суровый чернобородый старик в синем балахоне, расшитом серебряными алхимическими символами, размахивая руками как на непослушных кур.

Он не покидал комнаты ни на минуту, неприязненно буравя мрачным взором затылки настырных иностранцев с того самого момента, когда полуживой Горвенол не понятно почему согласился их принять.<sup>9</sup> И теперь, при первой же возможности, главный знахарь-алхимик королевского двора Гвента попытался как можно скорее избавиться от фактора, раздражающего его работодателем высочество.

— Я, как личный лекарь принца, настаиваю, что волнение для него сейчас смерти подобно! — сердито зашипел он. — Не морочьте ему голову! Убирайтесь отсюда! Идите вы все к...

— Куда? — вежливо навис над ним Олаф.

— К... к... к... Идите к кастеляну Терноку, он определит вас на ночь и покормит, вас и ваших... вашего... ваш... — сбавивший слегка обороты старик украдкой метнул опасливый взгляд на

---

<sup>9</sup> Может быть, потому, что отказать в аудиенции четверке чрезвычайно настойчивых гостей, влетевших в его окно, было в его положении несколько затруднительно.

Масдая, мурлычущего вполголоса на полу тягучую шатт-аль-шейхскую колыбельную под сладко посапывающим Иванушкой, — что он там у вас ест?.. или кого?.. Нечего вам больше тут делать, говорю, нечего! Или я позову стражу! Отправляйтесь отсюда...

— Куда? — ласково уточнил Агафон, и посох под его пальцами тревожно заиграл ало-золотыми искрами.

— ...Отправляйтесь отдыхать!.. — нервно дернул щекой и отступил на шаг придворный лекарь.<sup>10</sup> — П-пожалуйста?..

Олаф, Агафон и Сенька переглянулись и пожали плечами. Похоже было, что несмотря на форму высказанных пожеланий, по сущности лукавый медработник был прав. Делать им тут было и впрямь больше нечего.

Пробормотав шепотом пожелания принцу скорейшего выздоровления, благополучия, процветания и прочих земных и неземных благ, маленький отряд уныло взгромоздился на ковер и, игнорируя любезно распахнутую прислугой дверь, покинул покои впавшего в забытие Горвенола тем же путем, каким в них попал.

---

<sup>10</sup> Отступить на два или более шага или просто выскочить опрометью из комнаты помешала стена за его спиной.



В нескольких метрах от окна спальни, захлопнувшегося как по волшебству, Масдай завис и деловито поинтересовался:

— Ну что? Куда теперь?

— Куда?..

Друзья задумались.

— Принц отпадает, — первым из отряда озвучил свой мыслительный процесс Олаф. — Других родичей, кроме короля Конначты, у него нет. Значит, придется ждать, пока тот вернется из плена.

— Ждать?! — подскочил Агафон. — Да это мы сколько прождем?! Если они вчера утром отплыли, так это значит, сказал Горвенол, что до Улада им только к вечеру сегодня добраться! В лучшем случае! А пока там свадьба, шуры-муры, трали-вали, сколько это еще времени пройдет?!

— Много, — подытожила за всех Серафима. — Мое предложение — лететь в эту их Тьмутаракань...

— Теймре, — услужливо подсказал ковер.

— Во-во, я и говорю, — нетерпеливо кивнула царевна. — И не ожидая милости от природы, самим освободить короля.

— А как же свадьба? — не понял Агафон.

— Шуры-муры?.. — поддержал его Масдай.

— Трали-вали?.. — неопределенно взмахнул ручищами отряг.

— Ненападение и преференции? — рассудительно дополнил список юный чародей.

— Свадьбы не будет! — шкодно ухмыльнулась Сенька. — Свободу закрепощенным женщинам Гвента! Свободу Конначте!

— То есть... — сдвигая брови с мучительный усилием, которое иной человек затратил бы на то, чтобы хотя бы оторвать от земли топор номер двенадцать, конунг принялся высказывать озаривший его план кампании. — Мы прилетаем туда... быстро находим, где они держат короля... и просто перебиваем охрану?..

— Моя приемная матушка с детства учила меня, что перебивать некрасиво, — под разгорающимся жаждой риска и приключений взором отряга поежился неуютно Агафон.

— Если проблема только в этом... давайте перебьем красиво! — обрадовался Олаф.

— Ладно, долетим — сориентируемся! — жизнерадостно махнула рукой Сенька, в кои-то веки довольная, что ее спящий красавец не слышал предложение конунга.

Получасовой лекции на тему мира и дружбы между народами ни ее, ни Олафова буйные головушки, пропекшиеся под раскочегарившимся майским солнцем безветренным знойным днем, не перенесли бы.

— А если они доберутся до Улада вперед

нас? — не переставал выискивать бреши в плане Серафимы осторожный чародей, до которого еще не дошло, что всё уже было только что решено на его глазах и без него.

— То со свадьбой и набегам им придется разбираться самим, а Конначту мы всё-таки заберем, — беспечно подытожил Олаф. — Это и будет наш тик-так. То есть, так-тик.

Бескрайняя синь моря, сливающаяся где-то далеко с такой же бесконечной лазурью неба — впереди, позади, слева, справа — слепила глаза, куда бы они не посмотрели, заставляя жмуриться, отворачиваться и тереть их руками до рези, до красноты, до слез. В конце концов, опергруппа по спасению Конначты бросила болезненно-безнадежное дело разглядывания плавающих в туманной дымке далее и изучения безбожно бликующей карты, и в изнеможении улеглась на горячую спину Масдая рядом с Иванушкой.

— Эх, хорошо припекает... — блаженно пробормотал под ними ковер. — Прямо как дома...

Если он рассчитывал на поддержку — горячую, теплую или хотя бы слегка подогретую — то его не ждало ничего, кроме холодного разочарования.

— Жарынь жуткая... Мороженого бы... бананово-шоколадного... килограмма четыре... с

половиною...

— Свариться можно... если сперва не зажаришься... Интересно, есть такое заклинание, которое всё это немножко охолонуло бы?.. Надо п-поглядеть... так-так-так...

— Точно, ребята... Хел горячий, а не Гвент... Прохлады хочу! И как только эти южане в эдаком пекле всю жизнь живут?..

Отвечать не только на риторические вопросы, но и на какие бы то ни было еще сил — ни моральных, ни иных — у спутников изнемогающего от зноя конунга не оставалось, и его последнее «Хоть шлем с кольчугой не снимай...» густой патокой зависло в прогретом не хуже шатт-аль-шейхского воздухе.

— Масдай... скоро там этот Улад?.. — через полчаса с трудом разлепил спекшиеся губы отряг.

— Не знаю... — неуверенно повел кистями ковер. — Если по вашей карте — то еще с полдня полета, не меньше. А ежели судить по визуальным впечатлениям...

— То что? — нетерпеливо приподняла голову Сенька.

— То вон он, на горизонте.

— Где?!

— Уже?!

— Наконец-то!!!

Три головы одновременно взметнулись вверх

и наперебой принялись отыскивать обещанный горизонт, за которыми, наверняка, кишмя кишели тенистые купы, прохладные ручьи и килограммы бананово-шоколадного мороженого.

— Вон он!!! — первым узрел вожаденный берег Агафон.

— Надо проверить, хорошо ли наточены топоры... — забеспокоился отряг.

— Пойдите... — с сомнением прищурилась и тут же отвела глаза царица. — Может, это один из островов? Ведь и впрямь для Улада рановато?..

— Такой огромный? На весь горизонт? — снисходительно фыркнул Масдай в адрес маловерных. — Мы ж не в открытом море-окияне, тьфу-тьфу-тьфу, не приведи Господи. Откуда здесь такие острова? Видал я по дороге штуки три островов их — самый крупный не больше деревни лукоморской. А это — точно говорю вам! — самый натуральный У...

Уууууууууууууууу!!!..

Налетевший порыв ветра сделал попытку одновременно развернуть на сто восемьдесят градусов ковер, сорвать с голов шлемы, а если получится, то и волосы, и сбросить в море как можно больше припасов экспедиции.

Одна из трех поставленных задач была выполнена на «отлично».

— К-кабуча!!!.. — в сердцах выкрикнул маг,

когда после отчаянного броска пальцы его сомкнулись в десятке сантиметров от второго мешка с продуктами, стремительно удаляющегося вслед за первым в самостоятельный полет, очень скоро грозящий перейти в самостоятельное плавание. — Там была почти целая головка сыра!!!..

— Он всё равно давно испортился, — попытался утешить опечаленного студента отряг. — Зелень, плесень...

Агафон облизнулся.

— ...поэтому я его выбросил еще утром. Собаке бродячей.

— Что?! — подскочил волшебник. — Да как ты мог! Это же элитный сорт, два золотых за головку!..

— Не расстраивайся так, Агафон, — присоединилась с добрым словом Сенька. — Собака его всё равно есть не стала. Откусила и выплюнула, я сама видела. Так что, на обратном пути подберем, если он уж тебе... так нравится.

— Его съедят!!!

— Ищи дураков... — буркнул конунг.

— Он испортится!!!

— В смысле, позеленеет и заплесневеет? — уточнила царевна.

— Да!!!.. То есть нет... То есть чего вы мне голову морочите? Оставили без десерта, и рады...

тьфу...

Новый шквалистый порыв захлестнул ему волосы на лицо, и чародей, не договорив, принялся недовольно отплевываться, поправляя испорченную прическу.

— Что-то это мне не нравится... — мрачно предрек из-под них шерстяной голос. — Похоже это всё... похоже... похоже...

— На что? — встревожилась Серафима.

— На надвигающуюся бурю это похоже, вот на что! — яростно воскликнул отряг и грохнул кулаком по шерстяной спине. — Масдай, где ближайший остров? Идиот...

— От идиота слышу!

— Ой, извини... — вспыхнул алым поверх обгоревших белых щек рыжий конунг. — Это я про себя... растаял тут на солнышке, размяк... болван... Шторм проворонил!!! Моряк хелов... медуза безмозглая... Позорище рода Хильдебрантов!

— Хорошо, что хоть земля близко... — побелел как первая отряжская красавица Агафон и до судороги в пальцах вцепился обеими руками в посох.

— Где?

— Да вон там же!..

— Какая земля?! — рывкнул отряг, злой как варг на свою тугодумность. — Это не земля! Это штормовой фронт надвигается!!!

— Что?.. — если бы чародей побледнел еще больше, он стал бы прозрачным.

— И куда нам теперь? — потерянно закрутила головой по горизонту тоже не блистающая румянностью Сенька.

— Откуда я знаю...

Ковер затормозил, завис, поворачиваясь нерешительно то вправо, то влево, ища и не находя ни континента, ни архипелага, ни малого островка — ничего в пределах трехминутной досягаемости.

Кроме шторма.

— Откуда только эта буря тут взялась?.. — сквозь зубы прорычал рыжий воин.

И тут слева от него раздался писк.

— Простите меня... я не хотел... Раздел управления погодой — узкоспециализированная область магии... и исключительно для тех, кто имеет к этому врожденную склонность... но я подумал... что теперь... что с моим посохом... вы же сами все просили меня сделать что-нибудь с этой жарой!!!

— Кто просил?! — взвился Масдай.

— Кто-кто просил?! — в один голос воскликнули Сенька и Олаф, и в глазах их блеснуло убийство.

— Ну не просили... — сдулся еще больше чародей. — Но ведь это, я понял, только потому, что такая простая и гениальная мысль не пришла



вам в головы... только мне... и я подумал... что сделать доброе дело ближнему... пусть непрошено... мой долг как профессионального специалиста по волшебным наукам... Иван бы сказал то же самое! Но вы слишком многого от меня хотите, я ведь не метеоволшебник, я — боевой маг!..

— В первую очередь — ты маг!

— Н-ну так оно оно да...

На этот раз дуэт превратился в трио.

— Ну так сделай что-нибудь!!!

— Что?!..

— Сотвори остров!

— Ангар!

— Эллинг!

— Что угодно!!!

— Я...я...я... — заикался студиязус, и рука его метнулась в заветное потаенное местечко в рукаве.

— Остров... остров... остров... — забормотал он, и дрожащий невымытый палец с обкусанным ногтем заметался по корявым чернильным строчкам. — Нет, это долго... Ангар... он же эллинг... в зависимости от степени намокания... Раз плюнуть!.. располагается на острове... К-кабуууууучаааа...

— Агафон, действуй!!!

— Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... Остров,

остров, остров, остров... Для этого нужна земля... хоть чуть-чуть... от объема зависит продолжительность его существования... и площадь, конечно... Земля, земля, земля... Где-нибудь поблизости есть земля?!

— На дне, — загробным голосом ответил Масдай.

— А это глубоко?

— Скоро узнаем, — пожал плечами отряг.

— Вам бы всё шутить!!! — взвизгнул студиозус. — Как будто это мне надо!!! Одному, в смысле!!!..

— Нырять я не умею, — желчно прошипел ковер.

— Не надо нырять. Я... могу попытаться эту землю со дна достать... только...

— Что?

— Только вода — это еще один специализированный раздел магии... для врожденных талантов... — убито пробормотал волшебник, — там отражение идет страшнейшее... и дифракция интерференции... а у меня с объемами свыше трехсот литров что попало творится... мягко говоря... Как вы думаете, между нами и дном меньше трехсот литров или больше?..

Ветер, словно удесятерив силы за короткую передышку, налетел на них с новым остервенением, окружая клубящимися тучами, и люди пригнулись,

почти касаясь лбами дрожащей, как кролик перед волком, спины Масдая, чтобы не быть сброшенными в море вслед за своими злополучными припасами.

— Литров, метров, градусов, гектаров!!!..  
Делай уже хоть что-то, волхв!!! — отчаянно рывкнул из подмышки отряг, почти распластавшийся на Масдае. Словно для пущей убедительности, сверкнула развесистая молния под аккомпанемент оглушительного грома.

— Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас... — втянул голову в плечи и виновато затараторил юный маг. — Я постараюсь призвать землю... погодите... сейчас...

И он впился в засиявший штормовой синевою посох, зажмурил глаза и, что было мочушки, беззвучно завопил, повторяя снова и снова, странное раскатистое слово на забытом языке.

\* \* \*

Капитан Гильдас опустил подзорную трубу и почтительно повернулся к эрлу Ривалу, застывшему на баке как родственник корабельной носовой фигуры, чтобы доложить то, что брату покойной королевы Гвента было уже видно и невооруженным глазом.

— Славно мы успели, ваше сиятельство. С

востока грозовой фронт накатывается. Не пойму, откуда взялся — небо чистейшее было. Но беспокоиться не стоит — когда он подойдет, мы уже будем в тихой безопасной бухте.

— Видел, не слепой, — рявкнул эрл, как разозленный бульдог. — Еще что?

— Прямо по курсу Улад, — не дрогнув на грубость и бровью, продолжил рапорт капитан. — Ветер попутный. Будем в Бриггсте через двадцать-тридцать минут, ваше сиятельство.

На красной физиономии дядюшки, обожающего племянницу и ненавидящего качку, на несколько секунд отразилась гражданская война противоречивых эмоций — радоваться ли благополучному окончанию морского круиза, или печалиться скорому расставанию с Эссельте.

Победили родственные чувства.

— Ну будем и будем... — хмуро процедил он и отправился в каюту — сообщить сие двусмысленное известие принцессе, также страдающей в одиночестве от морской болезни и перспектив семейной жизни.

Едва протянул он руку к ручке двери, как та распахнулась, не дожидаясь его прикосновения, и на палубу выскочил красный как помидор придворный лекарь, сжимающий в объятиях, будто самое драгоценное сокровище мира, свой сундук со снадобьями.

— Ей лучше? — остановил его взглядом Ривал.

— Д-да... лучше, — медик коротко сверкнул сапфировым взором из-под полей шляпы, и почти вызывающе добавил: — Насколько это может быть в ее положении.

— В положении?!.. — глаза эрла вытаращились из орбит и сделали его похожим на переваренного рака.

— Да, — угрюмо кивнул лекарь. — Перспектива провести всю жизнь в заложниках у кровожадных дикарей еще ни для чьего здоровья благоприятной не была. Ваша светлость.

— А-а-а-а... — отлегло от сердца дядюшки. — Ну так чего ты мне голову морочишь! Иди, собирай свои примочки — через двадцать минут Бриггст. И Кириану скажи. Архидруида я сам оповещу... Горничные у Эссельте?

— Нет, — сухо качнул головой знахарь.

— Ну так ступай и разыщи их... бестолковые девчонки...

Молодой человек молча кивнул и, в последний раз метнув в него странный холодный взгляд, заторопился прочь.

Принцесса всё поняла с первого взгляда, отняла кружевной платочек от покрасневших глаз и спрятала в рукав.

— Улад?..

— Да, деточка...

Теперь Ривал не выглядел рассерженным бульдогом — просто старой больной несчастной собакой.

— Ты готова?

Эссельте кивнула.

— Ты... плакала?

Голова принцессы опустилась на грудь и замерла.

— Девочка... бедная моя девочка... если бы я мог что-то сделать... чем-то помочь... Но стране нужен мир... и нужен король. Особенно теперь, когда Горвенол...

Дядя вдруг вспыхнул и прикусил язык.

— Когда мастер-лекарь думает, что Горвенол... может не выжить? — почти беззвучно прошептала принцесса.

— Да ерунда всё это, ерунда ходячая, деточка, забудь ты про это, забудь! — торопливо замахал руками и виновато затарахтел Ривал. — Он обязательно, обязательно поправится! Раны-то у него пустяковые! Вот мой брат, да будет земля ему пухом, когда в уладскую кампанию сорок лет назад его бросили на поле боя, приняв за мертвого...

Дверь каюты без стука распахнулась со стуком, и порог ее переступил слегка взлохмаченный и более чем слегка нетрезвый работник гвентской культуры.

— Эссе... — начал было он и осекся, приложив ладонь к губам. — А-а, ваша светлость... И вы здесь...

— Чего тебе тут надо? — оскалился эрл. — Опять нажрался?! Убирайся отсюда вон!!! Если через десять минут ты не будешь похож на человека, то дальнейший путь проделаешь вплавь! До Улада или Гвента — уже на твой выбор!

— Уже ухожу, уже иду... — скроил сконфуженную мину певец. — Только... я тут подарочек принес нашему ее высочеству... на свадьбу держал... но дай, думаю, сейчас подарю... для поднятия духа, так сказать...

— Подарочек? — презрительно хмыкнул Ривал. — Какой еще подарочек?

— Вот, пожалуйста.

Кириан полез за пазуху и вытащил круглую деревянную коробочку, расписанную по бокам гербами провинций Гвента, размером с ладонь. Крышку ее украшал вздыбившийся единорог в обнимку с присевшим гиперпотамом — символ гвентской государственности.

— Шкатулка? — пренебрежительно скривился эрл. — И что в ней?

— То, о чем никто другой не подумал.

Самодовольно улыбаясь, бард сделал шаг к принцессе, открыл крышку и замер, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ч-что э-это?..

— Грязь?!..

— К-кириан, это и вправду г-грязь?..

— Грязь!.. — оскорблено фыркнул бард. — Грязь!!! Это, к вашему драгоценному сведению, вовсе никакая не грязь!!!

— А... что же это, Кириан? — Эссельте недоуменно захлопала ресницами, густо накрашенными клеевой сажей.

— Горсть родной земли! — гордо провозгласил песнопевец. — С самого гвентского побережья! Исконная-посконная! Чтобы помнила на чужби...

Страшный толчок вдруг потряс корабль, повергая всех людей на пол в одну изумленную кучу-малу. Стены, пол, потолок каюты будто мигнули, пропадая на долю секунды из виду, снова вернулись на свои места, и вдруг корвет подскочил, будто подброшенный могучей рукой морского бога. Из открытого иллюминатора, секунду назад изливавшего на кровать принцессы ласковые солнечные лучи, на одеяло выплеснулось несколько десятков литров ледяной воды. Вместо солнца снаружи сверкнула молния. Раскатился валунами по железной небесной крыше гром.

— Что это?.. — потрясенно выдохнул Кириан.

— Что за... — начал было Ривал.

И тут принцесса завизжала.



Потому что дверь каюты распахнулась, и в нее, подсвечиваемое неистовствующими вспышками одичавших молний, ввалилось нечто громадное и рогатое. На одном плече у него лежало истекающее водой бревно. На другом — такой же мокрый и бездыханный человек.

— Я Ивана тут оставлю, — не терпящим пререканий тоном пробасило вошедшее чудовище и заботливо уложило ношу с правого плеча на кровать принцессы, сырую как Белолукоморское болото. — Он спит, не будите.

— Т-ты... т-ты... — рука эрла потянулась к левому боку — то ли к сердцу, то ли к отсутствующему мечу.

— М-морской... м-монсрт... морнст... мронст... — заикался Кириан, и карманная лира в его трясущихся руках панически затенькала струнами в такт.

— Олаф Хильдебрант, — любезно представился мронст... то есть, монстр, и при следующей вспышке молнии и впрямь превратился в огромного человека в рогатом шлеме со скатанным ковром на плече.

Ковер тут же последовал за тем, кого чудовище морское Олаф Хильдебрант назвал Иваном, устроившись на свободном и пока относительно сухом ложе справа.

Серебряная волна пробежала по струнам

маленькой лиры, и чудесным образом протрезвевший певец дрожащим голосом слабо простонал:

Нечистая сила!  
Рогатый громила  
В каюту принцессы вплеснулся с водой.  
О демон пучины!  
Какая причина  
Сподвигла тебя на поступок такой?..

И, не успел последний аккорд затихнуть, обитателей каюты словно прорвало.

— Откуда вы взялись на нашем корабле?

— Ты — уладский соглядатай?

— А почему... Айвен... не просыпается?

— Что случилось с погодой?

— Наверное, его заколдовала злая ведьма?

— Вы потерпели кораблекрушение?

— Прятались в трюме?

— Вас прислал король Муген?

— Может, его должна поцеловать прекрасная принцесса?

— Нас не выбросит волнами на берег?

— Мы не пойдем ко дну?

— Ладно, пусть выбрасывает!

— Это кого ты целовать собралась, вертихвостка?!

— Я про такое в романе читала, дядюшка!..

Обеспокоенные вопросы и бестолковые ответы сыпались на голову будто свалившегося с неба гостя с частотой свирепствующего за стенами каюты ливня.

— Я — отряг, — сообщил визитер с достоинством, подразумевающим, что заподозрить его в принадлежности к иной национальности было так же нелепо, как подумать, что посреди почти открытого моря их могло выбросить на какой-нибудь берег.

А потом развернулся и выбежал из каюты.

Потому что почти одновременно с его представлением до изумленных гвентян донесся истошный вопль капитана.

— Свистать всех наверх!!! Полундра!!! Убрать паруса, чтоб вас всех демоны морские жрали!!! Нам все мачты переломает!!!

Но не успели они осознать всю опасность создавшегося момента, как дверь снова распахнулась, и исполосованная колючими молниями грозовая тьма панически проорала голосом боцмана:

— Все, все на палубу!!! Рубим грот-мачту!!! Мы не успеваем убрать паруса!!! А с ними нас разломает как картонную коробку!!!

— Вперед, сикамбр!!! — взревел Ривал, ухватил за шкуру почти не сопротивляющегося и

почти протрезвевшего Кириана, и отважно выскочил на палубу в объятья бури. Дверь за ним захлопнулась — не столько силой мускульной, сколько стихийной — и Эссельте осталась одна в каюте, погруженной во мрак и мечущейся, как грешная душа в загробной жизни, в обществе тревожно постанывающего во сне незнакомца и медленно и безмолвно промокающего ее кровать ковра.

Держась одной рукой за стену и всё, что было к ней приколочено, и отчаянно балансируя второй, чувствуя себя нетрезвым канатоходцем над пропастью, она медленно добралась до занятого ковром ложа, но тут же была брошена сверху дико рванувшимся влево кораблем. Испуганно ойкнув, принцесса вскочила, ощупывая мгновенно намокший вамаясский шелк платья, но переживать по этому поводу ей было суждено недолго: новый бросок корабля швырнул ее на пол, накрыл сверху мокрым ковром и щедро осыпал всем содержимым полок, подставок и шкафчиков. Секундой позже рядом с ней грохнулось что-то большое и тяжелое.

Недовольно буркнув, оно перевернулось на другой бок и безмятежно захрапело дальше.

\* \* \*

— ...Нас несет на камни!!!

— Это остров!!!

— Нет, наверное, это Улад!!!

— Нас не могло...

— Остров, Улад, Гвент, Узамбар — какая к демонам морским разница... — прошептал капитан, стискивая до боли мокрое просоленное дерево рулевого колеса.

Но говори он громче, кричи или вопи во всё горло — всё одно из-за грохота бури и отчаянного скрипа жестоко испытываемого на прочность корабельного дерева услышать его смогли бы только морские демоны, через слово поминаемые командой, беспомощно вцепившейся в полуобломанные куски корабельной архитектуры.

Увлекаемый ревущей бурей, корабль неся на рифы с неминуемостью катящегося под гору бочонка. Даже если бы Гильдасу удалось повернуть обреченное судно влево или вправо, это стало бы всего лишь выбором места их гибели, но не способа.

Вцепившись в перила мечущегося под ними, как обезумевший мустанг, мостика, маленький отряд пытался высмотреть за стеной взбесившихся валов хоть малую лазейку, сквозь которую они бы могли надеяться проскочить, или быть пронесенными ураганом — но тщетно. Черные скалы, покрытые мутной пеной разрывающихся о

них волн, огораживали маячившую невдалеке землю как неуклюжий и неказистый, но очень эффективный частокол.

— Агафон, сделай что-нибудь!!! — не выдержала первой Сенька.

— Что?! — прокричал тот в ответ и едва не захлебнулся ошметками пены, брошенной ему в лицо наскочившей волной.

— Что-нибудь!!! — проорала, еле слышная сквозь громыхание грозы, царевна. — Ты же маг!!!

— Нет, я имею в виду, что ты сказала?.. — выкрикнул чародей в ответ.

— Ты что, глухой?! Я тебе уже семь раз повторила...

— Нет, я хочу достоверно убедиться, что вы от меня хотите именно этого, и что на этот раз после того, как мое заклинание сработает, жалоб на меня не будет!

— Не будет, не будет!!! — яростно завопила царевна.<sup>11</sup> — Колдуй, кабуца ты сабрумайская!!!..

— Давай, волхв. Сотвори чудо. Хуже всё равно некуда, — не без труда перекрывая рев ветра и грохот шторма, скорбно поддержал ее отряг из-под съехавшего на брови шлема.

---

<sup>11</sup> Не исключая возможности, что их не будет по причине полного отсутствия жалобщиков.

Чародей припечатал оскорбленным взором не дрогнувшего конунга, высокомерно выпятил нижнюю губу и закрыл глаза. Через пару секунд, напряженно прилепившись лбом к своему символу высшего магического отличия, он уже горячо шептал что-то скороговоркой, словно убеждая его в чем-то. Посох мигнул синевой несколько раз в ответ, потом засветился ровно и сильно, и друзья торопливо отвернулись, чтобы нарастающее сияние не слепило привыкшие к грозовой полутьме глаза.

— Что это?.. — боязливо воскликнул матрос на палубе, оборачиваясь с риском быть смытым за борт и тыкая пальцем в сторону необычайного светового явления на мостике.

— Где?..

— Что?..

— Как?..

— Волшебство!!!!.. — зачаровано выдохнул боцман, с изумлением наблюдая, как быстро и необъяснимо из палки патлатого носатого парня, свалившегося на них с неба, вырастает и раздувается полупрозрачный шар.

— Демоны морские!!!!..

— Мы что, полетим на этом пузыре в Улад? — открыл рот Гильдас, позабыв про штурвал.

Погруженный в сотворение чуда Агафон не удостоил его ответа.

Вот шар размером всего с арбуз... с валун... с большой валун... с очень большой валун... с очень большой валун, способный занять весь мостик... полкорабля... весь корабль...

Молочно-голубая сфера прошла незаметно сквозь тела людей и коснулась воды. И там, где она соприкасалась с бушующим, ревущим, встающим на дыбы морем, оно утихало, будто засыпая, и на глазах у пораженных зрителей неистовствующие волны превращались в мирную дремотную рябь.

Десять метров спокойной воды... пятнадцать... двадцать... тридцать... сорок... сто... сто сорок... двести...

Спасительный колпак уперся в прибрежную линию, пару минут назад еще раздираемую яростным прибоем, а теперь больше напоминающую берег дворцового прудика, и замер.

— Чтоб меня демоны морские жрали!.. — восхищенно ахнул Фраган, выпустил канат из рук, спохватился мигом, вцепился в него снова, но тут же рассмеялся, отшвырнул его подальше, и радостно захлопал себя руками по мокрому, обтянутому рваной парусиной штанов ляжкам. — Штиль! Под нами теперь штиль!!! На сотни метров вокруг!!! Братушки!!!..

И команда, уже приготовившаяся к скорой и ужасной гибели, словно услышав приказ, взорвалась приветственными криками, наперебой



показывая неприличные жесты урагану, бессильно ломящемуся в стену безопасности.

— Уррааааа!!!

— К демонам шторм!!!

— К водяным бурю!!!

— Даёшь штиль!!!

— Даёшь друида!!!

— Качай друида!!!

— Качай!!!..

Побросав все, за что держались, моряки радостно вопящей толпой кинулись на мостик.

В это время корабль по инерции проплыл еще несколько метров вперед и со скрежетом остановился.

— Не знала, что на гвентских каравеллах есть тормоза... — поражено захлопала очами еле устоявшая на ногах Серафима.

Попадавшая на просоленные зады команда побледнела.

— Какой еще тормоз?! — отчаянно взвыл Гильдас. — Мы на риф наскочили!!!..

— Риф?!.. Но откуда?!.. Основная гряда от нас метрах в сорока еще!.. — растерянно вытянул шею Ривал.

— Основная — да. А это — авангард, — кисло предположила царица.

— Скорее, засада, — страдальчески скривился конунг от одной мысли о нелепой потере такого

замечательного судна.

— Мы погибнем? — жалобно вытянулось лицо Агафона. — Столько изумительных нечеловеческих усилий — и всё галеону под руль?

— Нечего расстраиваться, ваше премудрие! — утешительно просиял капитан, для которого после бури среди ясного неба и шторма-убийцы, внезапно посаженного за забор, не было больше ничего ни страшного, ни удивительного. — Сейчас мы спустим шлюпки и все переберемся на берег! У нас же штиль!

— И ты даже не попытаешься заделать пробоину в королевском флагмане?! — эрл побагровел от праведного возмущения.

— С куском морского дна в трюме? — поглядел на него как на полоумного капитан, и звучно закричал в сложенные рупором ладони: — Мы тонем!!! Без паники!!! Спустить шлюпки на воду!!! Перевозим ее высочество принцессу со свитой в первую очередь!!! Не торопитесь, собирайте всё!!! У нас много времени!!!

— Минут десять, — как бы между прочим добавил Агафон и плавно, но набирая скорость с каждым шагом двинулся к трапу, ведущему на палубу.

— Как — десять?..

Движение на корабле замерло.

— Как это десять?!.. — подскочил Ривал.

— Девять... — на бегу к двум последним не прибраным морем шлюпкам сообщил Агафон.

— А дальше что?.. — потерянно опустил руки Гильдас.

— Восемь, — для особо преуспевших в арифметике любезно подсказал Олаф, обогнул чародея и помчался к каюте, в которой они оставили Ивана и Масдая. Сенька за ним.

Эрл охнул, метнулся следом, остановился, рванул к шлюпке, снова встал, и снова кинулся к шлюпке, и опять к каюте...

— Ты же волшебник! — страдальчески выкрикнул рябой матрос с юта в бледную, слегка перекошенную физиономию их десятиминутного спасителя. — Останови бурю насовсем!

— Я — боевой маг, а не водофил, — с таким видом, как будто сей факт объяснял все неясности Белого Света, студиозус проворно заскочил в шлюпку у левого борта и занял место на носу. — Когда отплываем?

Люк в палубе у мостика откинулся и, визжа, ахая и расталкивая друг друга, из каюты на нижней палубе стайкой Серых Шеек выпорхнули горничные принцессы с нехитрыми пожитками в дорожных сумках.

— Быстрее, уточки, быстрее, — торопил и подталкивал их снизу седой бородатый матрос. — Машите крылышками, пока бурю обратно не

включили.

— Куда, куда, куда, куда?.. — растерянно заметались между двумя шлюпками перепуганные до полусмерти служанки.

— Тут места много, — ткнул в незанятую пока шестивесельную шлюпку старый моряк, и дрожащие от пережитого ужаса девушки неуклюже принялись карабкаться через фальшборт.

— Фраган, помоги мне! — махнул рукой седой и ухватился за рукоятку лебедки. — Приспустим эту, потом левую!

— Погоди! Сейчас принцессу приведут! — замотал головой боцман.

— Спускайте шлюпку до уровня борта, принцессу так затолкаем!!! — раздраженно рявкнул с мостика Гильдас. — Время идет!!!

— Делай, как капитан сказал, Фраган! — сердито крикнул седой, и нервно озирающийся по сторонам боцман ухватился за рукоятку второй лебедки.

— Раз-два, пошли!.. — скомандовал, сбегая на палубу, Гильдас.

Лебедка закричала, и ее визг словно стал командой «свистать всех наверх»: дверь королевских покоев распахнулась, синхронно откинулся второй люк, ведущий на среднюю палубу, и почти одновременно на свежий воздух стали выбираться Огрин, Кириан, придворный

знахарь и представители королевской фамилии, подпираемые сзади антиргаурдаковской коалицией.

— Куда бежим? Куда плывем? Куда сидим? — заметался между бортами бард, больше похожий сейчас на магазин музыкальных инструментов в эвакуации.

— Хоть куда садись! — раздраженно отмахнулся эрл от одуревшего со страха трубадура, освобождая дорогу принцессе, и Кириан, разрешившись от бремени принятия решения, взял на абордаж лодку, уже занятую Агафоном.

— За магом — как за каменной стеной... — бормотал он под нос, торопливо перекидывая через бортик свой капризно звеняще-бренчащий багаж. — Как раз, то, что нам надо над морской пучиной...

Сама собой переползшая на колени ему лютня невзначай зазвенела, бледные губы зашевелились в такт, пальцы тронули струны, и ода Агафонику Великому была уж тут как тут:

Когда корабль несло на рифы,  
Казалось нам — ко дну пойдем,  
Явился маг, словно из мифа,  
И защитил нас пузырем.  
Так улыбнулась нам фортуна,  
Так превратились мифы в быль.  
И здесь у нас в центре тайфуна

## Великий маг и полный штиль!

— Гребцы — на правую шлюпку на весла!!! — чуждый волшебному миру искусства, гаркнул Гильдас, и шестеро матросов резво скакнули в лодку, зависшую в нескольких метрах над впавшими в ступор волнами.

— Эссельте, деточка, туда, скорей туда! — Огрин торопливо потянул за руку замешкавшуюся в дверях испуганно-бледную принцессу к полуспущенной шлюпке, и тут случилось непредсказуемое.

Агафон приосанился, принял героическую позу вершителя судеб человеческих в изгнании, многозначительно-томно оперся на посох, и послал потерянной и дрожащей принцессе сногшибательный взгляд. Та ойкнула и покачнулась.

— Не бойся, Эссельте! — взмахнул рукой студиозус с видом покорителя всех гаурдаков вместе взятых, дарующего прекрасной даме Белый Свет и шестивесельную шлюпку в придачу. — Этот купол — потрясающе прочный, по-другому у меня получиться не могло! Но если тебе всё-таки страшно, то я могу увеличить покрываемую им площадь в полтора... нет, в два раза! Чтобы он доставал до тех скал на пляже! Гляди!

Не прекращая глупо ухмыляться от уха до

уха, Агафон воздел к небу посох и протяжно выкрикнул несколько слов.

Эрл встревожился.

— Зачем это ты...

Но договорить ему не пришлось.

С последним звуком, вылетевшим изо рта специалиста по волшебным наукам, вибрирующий от натиска обезумевшей бури кокон спокойствия внезапно разорвался, как шарик, приземлившийся на кактусовую рощу. И огромная волна с исступлением, накопившимся за несколько минут бездействия, обрушилась на правый борт, подобно сокрушительному кулаку обезумевшего морского гиганта. Не успели люди и глазом моргнуть, как шлюпку с горничными и гребцами сорвало с крюков лебедки, будто осенний лист. Еще секунда — и лодка, разбрасывая доски, весла, матросов и пассажиров, с треском приземлилась на песчаном берегу острова.

Каравелла не была так удачлива. Удар неистового вала снял ее с рифа, словно невесомую пушинку, и отшвырнул не в безопасность берега, а в беснующуюся толчею волн. Подхваченный радостно и хищно одной, другой, третьей, четвертой истерзанный корабль уже не сопротивлялся. Быстро теряя остатки снастей и плавучесть, он метался по бескрайнему пространству, кипящему пеной и встающей на

дыбы взбесившейся водой, уносясь от берега, едва не ставшего его спасением, всё дальше и дальше...

Чьи-то сильные руки выдернули застывших от ужаса чародея и музыканта из шлюпки, протащили по скользким, уходящим из-под ног доскам, и с захлестнувшей палубу волной они влились по ступенькам трапа через оставленный открытым люк прямо на нижнюю палубу.

Волшебник приземлился головой вниз. Мгновение спустя сверху его приложил арфой и собственной грузной персоной Кириан. Импровизированная куча-мала была припечатана к палубе их спасителем — Олафом.

Отплевываясь и хватая спертый воздух сипящими ртами,<sup>12</sup> несостоявшиеся утопающие едва успели осознать, что произошло и возблагодарить высшие силы, как кто-то снова ухватил их за шкурки и рванул, бесцеремонно проталкивая в следующий люк.

— Быстрее!!! Все на помпы!!! У нас пробоина!!! Мы тонем!!! — истошно проорал

---

<sup>12</sup> Причем агафонов сипел: «К-кабуча!.. Идиот!.. Болван!.. Дебил!.. Склеротичный кретин!.. Толщина, а, следовательно, эффективность защитного поля обратно пропорциональна общей защищаемой площади!.. Кабуча габата апача дрендец!!!...»



незнакомый голос.

— Т-тонем?.. — панически хлюпнул остатками забортной воды трубадур и мягко погрузился в обморок.

— Т-тонем?! — подскочил Агафон, хватаясь за матроса в серой рубаше одной рукой.

В другой он крепко-накрепко сжимал посох, пульсирующий цветом морской волны. На лбу его медленно вспухала шишка. В глазах, всё еще слегка расфокусированных и изумленных, медленно гасли искры жесткой посадки и разгорались шальные зарницы великих дел.

— Т-тогда мой длюг... длюг... длюгл... как просисисифинального... просифисионального... фесинального... мага... спасти вас! — озарилось светом грядущих побед его лицо. — Я как раз з-знаю... одно подходящее... з-злаклинание...

— Нет!!! — вырвалось сразу из нескольких глоток.

— Не нужно благородностей! — едва не теряя равновесие, мотнул он головой и щедро оросил окружающих спреем холодной воды, сорвавшимся с волос. — Я бескорытен! Где ваша прибоина? Несите ее сюда!

— Не надо, не надо нас спасти, всё и так очень плохо, — попытался успокоить его матрос в синем платке, но его премудрие, почуявшее новое поле применения своих магических возможностей, было

уже не остановить, как девятый в девятой степени вал.

Оттолкнув доброго моряка, он откачнулся по всем законам физики в другую сторону, срикошетил о кривоzubого матроса, выпрямился, был отброшен качкой назад, отскочил от Олафа и, нацелившись на лету на уходящие круто вниз ступеньки, с криком «Спасайтесь, я иду!» бросился кувыркoм на борьбу с прибоиной.

Если бы не чья-то широкая мускулистая спина, приземление вдохновенного кудесника было бы гораздо более холодным и мокрым.

— К-кабуча!.. — выругался Агафон, и ловко вскочил на ноги — по колено в забортной воде.

Комментарии капитана, вынырнувшего парой секунд позже из ледяной грязной мути, литературному описанию не поддавались.

— Давай, шевелись! — гаркнул сверху матрос в серой рубахе, раздраженно отпихнул в сторону чародея, потерянно застывшего у подножия трапа, снова невзначай роняя его на капитана. — Помпы под баком!

— Под баком, под кастрюлей, под сковородкой — ты не умничай, ты пальцем покажи! — возмущенно выпрямился Агафон, истекая водопадами незваного балласта не хуже кипящего от злости Гильдаса.

— Это ТАМ!!! — прорычал капитан, и

могучим тычком отправил налево едва не споткнувшегося о собственный посох волшебника. — Где все матросы!!!

При свете нескольких водонепроницаемых ламп из зеленоватого морского стекла единственное, что смог разглядеть чародей, были копошащиеся в почти полной тьме промеж плавающих ящиков и корзин мокрые фигуры.<sup>13</sup>

— Никаких условий для эффективного труда... — угрюмо буркнул маг, хлопнул посохом о скрытое под слоем воды днище, и тусклые корабельные лампы вспыхнули ослепительным белым светом.

Застигнутые врасплох матросы выпустили из рук ручки насосов, капитан схватился за сердце и осел на самую нижнюю ступеньку трапа, моряк в серой рубахе вскинул ладони к глазам, ступил мимо лестницы, и со звучным плюхом загремел в воду.

Единственным, кто оценил по достоинству перемену уровня освещенности, стал Олаф.

— Вот так-то луч... — начал было он

---

<sup>13</sup> Которые, если дотошно отнестись к вопросу, могли бы вполне оказаться как упомянутыми матросами, откачивающими воду из трюма, так и не менее часто вспоминаемыми морскими демонами, воду в трюм нагоняющими.

одобрительно с верхней части трапа, как вдруг все светильники разом взорвались со звонким грохотом, осыпая замершую внизу команду стеклянной пылью, будто исчерпав за минуту весь положенный им запас прочности.

— Кабуча габата апача дрендец!..

— АГАФОН!!!!

— Серафима, я сейчас, я что-нибудь придумаю!..

— Не надо что-нибудь!!! Свет включи!!!

— А, ну да!..

Маг снова выругался — замысловато и кучеряво, выкрикнул нужное заклинание, и над головами гвентян, растерянно бултыхающихся в угрожающе прибывающей воде, засветился желтый шар размером с большой арбуз.

— Снова этот драный колдун!!! — скрывая лихорадочный испуг, прорычал кто-то из-за обрушенной россыпи ящиков.

— Всегда пожалуйста, — кисло скривился маг. — Вы были очень любезны. Обращайтесь еще.

— Помпы там, волхв.

Чародей почувствовал, как его потянули за рукав.

— Что? — возмущенно вытаращил он глаза на Олафа. — Помпа? При чем тут помпа? Вы что все думаете, что я пришел сюда руками из пустого в порожнее переливать?

— А чем? — тупо уставилась на него Серафима.

— Я — маг! И известно ли вам, что достаточно всего одного верного, правильно наложенного заклинания, чтобы вся команда через минуту пошла отдыхать и пить чай!

— Тогда спасенья точно нет, — обреченно изрек сверху, из зева люка, Кириан, приведенный доброхотами в чувства, и забормотал речитативом, словно читал отходную:

Этот маг с большою помпой  
Посадил корабль на мель.  
А теперь работать помпой  
Не желает он. Отсель  
Нам не выбраться вовеки,  
Здесь мы кончим жизни путь.  
А закроет наши веки  
Маг великий как-нибудь...

— И да умолкнут маловерные! — сурово отмахнулся волшебник от белого как молоко барда. И, немного помолчав, добавил:

— Кто-нибудь может сказать, больше тут трехсот литров, или как?

— Триста литров?! — горестно возопил капитан. — Триста литров?!.. Да если бы здесь было триста литров, мы бы пили в каютах чай и без

тебя! Триста!.. Да у нас тут скоро половина пролива окажется!!!

— Н-ну, не вижу предмета для волнения... — не особо убедительно пробормотал чародей, пропустил мимо себя новых операторов помпы — Сеньку, Олафа, Кириана и Гильдаса, присел на ступеньки трапа, чтобы не быть сброшенным сумасшедшей болтанкой в прибывающую воду, кишащую грузом, матросами и заблудившимися рыбами — и проворно полез в рукав.

— Это ничего... могло быть и хуже... значительно хуже... — успокоительно приговаривал он, дрожащей рукой разглаживая пергамент на мокрой коленке.

— К-как? — замер на пути к астматически хрипящим и захлебывающимся в почти полном мраке насосам музыкант и выдавил с замиранием сердца. Агафон оторвался от пляшущих вместе с кораблем неровных строчек шпаргалки и поднял на миннезингера слегка расфокусированный взгляд.

— Пока не знаю. Но скоро выясним.

Юный волшебник был из породы тех людей, что твердо выполняют свои обещания.<sup>14</sup> Поэтому

---

<sup>14</sup> Если раньше не забывают о них. Но забывал свои посулы Агафон естественным путем, без задней мысли, и посему искренне считал себя человеком обязательным и верным слову.

далее события развивались феерично и по нарастающей.

Для начала главный специалист по волшебным наукам превратил всю воду в кефир.

Потом в кисель.

Затем в лесогорское плодово-ягодное.

Матросы вдохнули пары и заметно повеселели.

Некоторые попытались утопиться.

Если бы их безответственные собратья не отпили половину, им бы это даже удалось.

Помпы были позабыты и оставлены — но ненадолго: прибывающая сквозь пробойну вода быстро разбавила напиток неразборчивых богов до консистенции и вкуса вонючей мутной соленой жижи, и матросы, бормоча проклятья, снова бросились за работу.

После этого в голову чародея, хмельную от сивушных паров и одному ему понятных успехов, пришла на удивление разумная мысль, что бороться надо не с последствиями, а с причиной.

Размышления об осушении моря или, на худой конец, пролива, были скоро оставлены как не имеющие под собой научной почвы и экологически вредные.

Идея про перенесение каравеллы в

---

какое-нибудь другое место, посуше и менее ветренное, тоже не прошла фейс-контроль как неблагонадежная: заряд посоха после первой телепортации убавился вчетверо, а не долететь и очутиться где-нибудь на рифах в зоне прибоя не рискнул даже вдохновенный волхв.

Попытка убрать воду из трюма окончилась быстро и бесславно: сначала вся вонючая жижа собралась в огромный шар, полный груза и корабельных крыс, посреди трюма. Потом перекатилась к корме. После — в нос. Затем прилипла к потолку, но ненадолго: через несколько секунд со смачным чавком отделилась она от перекрытия между палубами, прихватив на память несколько досок, и от души накрыла собой всех, включая неистово фонтанирующего магическими ругательствами Агафона.

Извлекши себя из-под кучи мусора, бывшего еще недавно вамаяссьским чайным сервизом на триста тридцать персон, волшебник задумался не на шутку. Но думай-не думай, а в природе оставалось всего одно-единственное последнее решение, самое очевидное, и посему самое скучное и оставляемое обуянным полетом творческого гения студентом на потом.

Заделать пробоину.

Поплевав на ладони, маг сжал покрепче посох, зажмурился и прошептал четко и ясно



только что прочитанное с вырубательного пергамента заклинание.

Всеобщий вздох изумления стал подтверждением того, что магия сработала. Торжествуяще ухмыльнувшись, специалист по волшебным наукам разлепил глаза и вдруг почувствовал, что нижняя палуба уходит у него из-под ног.

А заодно и у всех остальных.

— КАКОЙ ИДИОТ!!!!!!!.. — проревел ему в ухо кто-то взбешенный голосом эрла, пролетая вверх тормашками мимо.

Естественно, Агафон не принял сии обидные слова на свой счет, и даже задумался ненадолго, нет ли среди его знакомых этого идиота, и если есть, то стоит ли ему при встрече сообщать, что про него думают люди... Но всё же отчего-то почуял неладное.

Посланный в сторону пробоины... вернее, того места, где он в последний раз видел пробоину, светящийся шар показал ошарашенному волшебнику фрагмент потолка, медленно смещающийся вниз. А в том районе, где у всех нормальных кораблей, по его представлению, должно было быть дно, вольготно расположился злосчастный левый борт с пробоиной.

Заделанной.

Кирпичом.

В шесть слоев.

— К-кабуча!!!! — было единственным, что смог проорать чародей, прежде чем на язык прыгнуло нужное «абра-кадабра-гейт!!!!» и, к потрясению самого чародея, тут же сработало.

Кирпич пропал, каравелла рывком, сбивающим всех и вся в кучу-малу, приняла вертикальное положение и с облегчением принялась тонуть дальше естественным манером.

Но Агафон никогда не искал легких путей. Следующее заклинание заставило отшатнуться матросов, пытающихся заложить дыру мешками с сахарным песком из приданого Эссельте: бурлящий ледяной водопад в проеме, оскалившемся рваными краями, пропал, и на них глянуло бездонным черным оком не менее холодное звездное небо. Чиркнули по глазам и тут же пропали несколько шустрых комет. Грузно проплыла мимо пузатая планета с комплектом хула-хупов вокруг талии. Показала изогнутые гармошкой крылья нелепая громоздкая конструкция из белого железа, похожая на полотенцесушилку. В ее круглых, похожих на морские, окошках замелькали ошалелые человеческие лица — сплошь вытарашенные глаза и разинутые рты. Через край пробойны заглянул, строя глазки, кто-то зеленый с головой, подозрительно смахивающей на недоевший удобрений огурец.

— Земля в иллюминаторе... — задумчиво пробормотал боцман.

Оттолкнувшись, он приподнялся на полметра над водой, быстро покрывающейся тонкой корочкой льда, и поплыл в коварно манящую бескрайнюю чернильную даль.

— Прекрати это!!! — нарушил капитан истошным ором зачарованную тишину, хватая за ногу дезертирующего Фрагана. — Немедленно!!!

«Абра-кадабра-гейт» было выпалено еще быстрее, чем в прошлый раз.

Звезды пропали, огуречноголовый исчез, а вода, словно обрадовавшись, что необъяснимо пропавшая ее жертва нашлась вновь, хлынула из зияющей дыры с удвоенной силой.

— Качайте, качайте!!! — взревел Олаф и первый кинулся к остановившимся и обезлюдевшим было насосам.

— Вахтенные к помпам, крабьи дети!!! Утоплю!!! — неистово поддержал его боцман. — Подвахтенные — заделывать дыру!!!

— К-кабуча... — прошипел маг, исступленно мечась диким взглядом по косым потекшим строчкам промокшей насквозь шпаргалки. — К-кабуча габата апача дрендец... Идиотизм... всего-то и надо... что заделать дыру, заделать дыру, заделать дыру... не то, не то, не то... Заделать дыру... Синоним... замуровать... заложить...

заколотить... законопатить... замазать... не то, не то, не то... Зарастить!!!

— Отойдите все!!! — сипло прохрипел Агафон, не слишком рассчитывая, что будет услышан, но условный рефлекс и естественный отбор — великие учителя. Команда рванула бы пешком прочь по дну морскому не по крику — по простому шепоту поймавшего кураж труженика оккульта. Крик же — даже такой — подействовал на нее как на более продвинутых собратьев — вой сирены воздушной тревоги.

В считанные секунды пространство вокруг пробоины, изрыгающей ледяную воду, очистилось.

Не спуская глаз с выисканного заклинания, волшебник сжал в правой руке посох и принялся водить левой по воздуху, в меру постепенно иссякающих сил, лишь слегка компенсируемых артистическими возможностями, изображая накарябанные на шпаргалке пассы. Воздух вокруг дыры сгустился, замерцал, запульсировал, словно живой...

Люди ахнули. Вокруг пробоины доски стали превращаться в нечто склизкое, черное, тошнотворно блестящее в мерцающем свете волшебного огня кокетливыми розовыми искорками на фоне выпученных злобных лиловых очей.

И, как края раны, дыра в корабельном боку

стала неспешно затягиваться прямо на глазах.

Если не считать вынырнувших вдруг из-под толщи набравшейся воды черных и блестящих как смоль щупальцев, дерзко ухвативших капитана за руку, и потрясающего, душувывнимающего, мозгоразжижающего и желудконаизнанкувыворачивающего смрада, возникшего из ниоткуда, победа мирной магии была бы полной.

— Щас исправлю, щас исправлю, щас уберу... — скороговоркой затараторил чародей, но капитан не стал его дожидаться. Он тонко взвизгнул, икнул и упал в обморок. Щупальца стыдливо отдернулись и смущенно поползли к Серафиме. Другая пара — с тяжелыми клешнями на концах — высунулась из-за груды мешков и тихой сапой стала подкрадываться к боцману. Третья — с присосками размером с суповые тарелки — к группке матросов, замерших от ужаса у захлебнувшейся помпы...

\* \* \*

Забившись в угол кровати, описывающей в пространстве замысловатые конволюции вместе с каравеллой, Эссельте поджала ноги, обняла худенькие замерзшие плечики руками, бессильно опустила голову на грудь и замерла, с тоскливым

напряжением прислушиваясь к то и дело поднимающейся к горлу тошноте.

За круглым морским окошком с таким же округлым, но упорно не запоминающимся заморским названием, буйствовали стихии, сверкали молнии, освещая кинжальными вспышками затянутое черными тучами небо, хищно вставали на дыбы и сшибались не на жизнь, а на смерть кроткие еще полчаса назад волны, готовые сейчас проглотить друг друга, и их раненное суденышко на закуску. Под потолком в такт шторму — а, вернее, в полное его отсутствие — болтался тусклый желтый фонарь. На соседней кровати безмятежно почивал зачарованный незнакомец в одежде северного варвара.

Если бы не он, в королевской каюте флагмана было бы совсем жутко и одиноко, и слезы давно бы уже лились водопадом, по сравнению с которым разыгравшаяся за окном буря была бы ручейком в пустыне. С таинственным же Айвенгом было не одиноко, и не жутко, а просто страшно, а плакать, хоть и хотелось отчаянно, но было никак, ни в коем случае нельзя: а вдруг он очнется, поглядит на меня, а у меня глаза красные, нос опухший, и вид такой, что демоны морские с перепугу разбегутся...

Под очередным ударом валов «Гвентянская дева» накренилась, болезненно скрипя всеми шпангоутами и переборками, принцесса

побледнела, и судорожно ухватилась за стойку балдахина.

Дверь в каюту распахнулась, резко ударившись о стену. Девушка ойкнула испуганно, решив, что ветер сорвал ее с петель, но страх ее оказался преждевременным. В дверном проеме, подсвеченная на миг вспышкой молнии, вырисовалась высокая фигура с развевающимися мокрыми черными волосами.

— Ваше высочество? Можно войти? Это я, ваш лекарь.

Дверь захлопнулась так же быстро, как и открылась, и вошедший нерешительно остановился у порога вне крошечного облака света, испускаемого умирающей лампой.

— Друстан?!.. — вскрикнула от радости принцесса, попыталась вскочить на ноги, но тут же была походя отброшена новой волной.

— Вы одна?..

— Друстан, я одна, совсем одна, если не считать отряга Айвена...

— Он проснулся? — моментально насторожился вошедший.

— Нет, милый, он спит, спит, будто летним днем на лугу под кленом, а не в этом ужасном, мокром, скачущем как взбесившийся конь корабле...

— Пусть спит, — суро изрек юноша, в

несколько шагов пересек каюту и опустился на колени перед королевским ложем.

— Друстан... — принцесса положила тонкие ручки ему на плечи и умоляюще заглянула в синие, как море, глаза. — Скажи мне... только правду. Ты был в трюме? Мы не утонем? Мне страшно...

— Нет, мы не утонем, — лекарь успокаивающе накрыл холодные дрожащие пальцы Эссельте. — Волшебник, свалившийся с неба, обещал наложить какое-нибудь заклятье, а когда он закончит, останется только откачать воду помпами, и мы все будем в безопасности. Если, конечно, ему не придет в голову улучшить свою работу. Тогда нас уже ничто не спасет.

Принцесса на мгновение позабыла свои боязни и слабо улыбнулась.

— Не будь к нему строгим... Сами небеса послали его нам в такой час. И он настоящий маг, без всяких сомнений, не как старый Огрин или его помощники.

Друстан пропустил мимо ушей похвалу горе-чародею, и, оглянувшись через плечо — не разделил ли кто-нибудь невзначай их компанию — торопливо прошептал:

— Эссельте. Капитан Гильдас говорил, что шторм через несколько часов должен ослабеть, и вскоре закончиться.

— Слава богам! — засветилась от радости



принцесса, но тут же ойкнула и приложила ручку ко рту. — А что потом?..

— Потом они лягут в дрейф — до ближайшей земли. Поставят мачту. И направятся дальше. В Улад.

Лицо дочери плененного короля Гвента, озарившееся было на краткий миг светом радости застыло в гримасе боли и отчаяния.

— Лучше бы мы утонули, — бесцветно прошептала она, медленно опуская наполнившиеся слезами очи долу. — Лучше бы я утонула...

— Милая, нет, ты не должна так говорить!!!

— Друстан... Друстан...

Принцесса уткнулась лицом в сомкнутые ладони и зарыдала.

— Эссельте, послушай меня, у меня есть план! — лекарь горячо ухватил возлюбленную за тонкие, украшенные ажурными золотыми браслетами запястья и, не дожидаясь ответа, торопливо заговорил, глотая слова и сбиваясь:

— Это добрые боги дали нам еще один, последний шанс, любовь моя! Потому что я молил их об этом дни и ночи, дни и ночи! И они услышали меня! Эссельте, бесценная моя, мужайся... Когда кончится шторм... наступит ночь... мы украдем шлюпку... и уплывем... до ближайшего острова... пока все спят... И никто не будет знать, где искать нас! Мы станем жить в лесу, питаться кореньями и

ягодами, пока нас не подберет какой-нибудь корабль... купец... Мы скажем, что наше судно утонуло... назовемся новыми именами... уплываем куда угодно — Белый Свет велик! Мы начнем новую жизнь там, где нас никто и никогда не отыщет! Я открою аптеку, или стану ходить по домам, лечить людей... и всё будет замечательно, только ты и я, я и ты, и больше никого! Я хороший лекарь, так все говорят, и мой учитель тоже! Я буду много зарабатывать, у нас будет свой дом, и выезд, и слуги, и ты не узнаешь нужды ни в чем! А Улад и Морхольт забудутся, как страшный сон! И ничто не разлучит нас, Эссельте, ничто, ты слышишь меня, я клянусь! Никогда!!!.. Ну, что ты скажешь?..

— Друстан, Друстан...

Влюбленный еще не закончил речь, а принцесса уже качала головой, словно стоя над могилой и будучи не в силах поверить в необратимость произошедшего.

Над своей могилой.

— Друстан... милый мой... любимый... ненаглядный... драгоценный... ты самый лучший... самый добрый... самый заботливый... — голосом, срывающимся от слез, зашептала она, лихорадочно глядя холодными тонкими пальцами слипшиеся от соли спутанные локоны любимого.

— Ты согласна?! — задохнулся от счастья юноша.

Принцесса застыла, и короткое, фатальное слово прозвенело с неотвратимостью падающего ножа гильотины.

— Нет.

— Но...

— Нет, Друстан, нет, пожалуйста, нет... я не могу... не спрашивай... не убеждай... не уговаривай... я не стану... не буду...

— Ты разлюбила меня?.. — юноша вспыхнул внезапной и несправедливой обидой.

— Нет, Друстан, нет!!! Ни за что на свете!!! Скорее земля с небом поменяются местами, чем ты покинешь мое бедное сердце!

— Но тогда ты должна...

— Нет... Нет, Друстан... Я не могу...

— Но почему, Эссельте, почему?!

Холодные чуткие пальцы мягко прикрыли его искусанные губы.

— Ты правильно сказал. Я должна.

— Что ты должна?! Кому?! — возмущенно ухватил и сжал он в своей руке трепещущую ручку любимой.

— Своему брату... Отцу... Народу...

— Чушь!!! А если бы ты сегодня потонула, мы все бы потонули, что бы тогда все они стали без тебя делать? Что бы случилось? Да ничего!!!

— Но я жива. Прости меня за это...

— Эссельте, боги, Эссельте, любимая моя, что

ты говоришь!..

— Нет, это я виновата перед тобой... Я дала тебе надежду... но я думала... если бы не этот проклятый богами и людьми рейд... я могла бы уговорить отца, чтобы он позволил... и он разрешил бы... он любит меня... но теперь...

Голос принцессы, и без того негромкий, оборвался тонким всхлипом.

— Теперь всё кончено для нас. Прости меня, милый мой... прости... прости... это моя вина. Если я не появлюсь в Уладе, они убьют отца...

— Они не посмеют!!!

— Король Муген и королева Майрэнн не посмели бы... но Морхольт... это чудище... Отец в его власти! А первый рыцарь уладской короны сам себе закон. Никто ему не указ... даже король... и если он что-то решил — ничто не остановит его на этом свете.

— Тем более!!! Вот видишь!!! Видишь!!! Из-за пустого чувства долга на что ты обрекаешь себя!!!

— Может, он не такой уж и злой... — словно пытаясь убедить не столько безутешного влюбленного, сколько себя, безжизненно, словно во сне, заговорила Эссельте. — Говорят, во время нашего рейда... давно... у него погибла семья... и поэтому... Может, если бы мы с покойной моей матушкой и Горвенолом сгинули бы в огне

уладского рейда, а король Муген или Морхолт попался бы потом в руки моему отцу... Откровенно говоря, если бы он попался, и отец отпустил бы его на все четыре стороны, не знаю, как Горвенол, но я бы обиделась.

— Эссельте, о чем ты говоришь!!! Причем тут наш король! Морхолт — злобное тупое чудовище, не способное на человеческие чувства!!! Ты угаснешь в его гнусном мерзком замке, как лучинка на ветру!!!

— Я знаю, любовь моя... я знаю... — почти беззвучно выдавила бледная, как саван, девушка. — Извини... эта качка сводит меня с ума... Я не соображаю, что говорю...

— Эссельте, родная, если ты боишься сделать этот шаг, то давай я похищу тебя! Сразу, как только стихнет шторм, я свяжу тебя, брошу в лодку, и мы уплывем, куда течение унесет нас! И виноват буду я, только я, ты не сможешь себя винить ни в чем и никогда!

Принцесса провела ладонью по наполненным слезами глазам, слабо улыбнулась, и нежно взяла осунувшееся лицо Друстана в свои белые, дрожащие руки.

— Если бы ты мог такое сделать, ты уже не был бы самим собой, мой дорогой, мой единственный, мой неповторимый целитель и поэт... Тебе не идет быть героем... и я не смогла бы

полюбить героя. Они вечно носятся по Белому Свету, совершая подвиги где-то далеко, когда нужны тебе рядом, здесь и сейчас... Ведь иногда самый мучительный подвиг — это остаться на месте и просто жить, жить изо дня в день, как все люди, без единого подвига...

— Милая... милая моя... любимая... прости меня... прости... прости... — уткнулся убитый огромностью их общего горя Друстан в холодные, пахнущие прозрачными заморскими духами пальцы Эссельте.

— Нет, это я виновата перед тобой... — проговорила она и безвольно опустила руки на постель. — Героини книг, которые я читаю, борются за свою любовь... Но мастер Огрин внушил мне... и я верю ему... что благополучие королевства важнее всего... даже меня... И даже тебя. Прости. Тебе меня не переубедить. Вернуть короля народу — мой долг... чего бы это мне ни стоило. Прости меня, милый... прости меня, глупую, потерявшуюся девочку... Молись за меня, Друстан... и прости. Не забывай бедную Эссельте...

Крылья носа лекаря на мгновение вздулись, голубые глаза сверкнули при вспышке молнии отчаянным жаром, но тут же опустились, и рука его, чуть дрогнув, полезла за отворот черного камзола.

— Что там у тебя, любимый мой? — печально улыбнулась принцесса. — Нож? Ты хочешь зарезать меня? Пожалуйста... сделай это... пока не поздно... добрый, добрый Друстан...

— Зарезать тебя? — странный огонь моментально сменился бесконечной нежностью. — Скорее я брошусь в эти ужасные волны... Как ты могла такое помыслить!

— Я... я пошутила, — печально сконфузилась девушка.

— Я просто вспомнил, зачем приходил, — мягко договорил Друстан.

И на широкой ладони, вынырнувшей из внутреннего кармана, оказались два пузырька из черного стекла размером с крупный грецкий орех.

— Что это?

— Средство от морской болезни, — быстро ответил юноша. — Чрезвычайно действенное. Я приготовил его перед тем, как прийти к тебе.

— А я уж подумала — яд... — с гораздо большим сожалением, чем хотела показать, прошептала принцесса.

— Эссельте!..

— П-прости...

— Если честно... эта треклятая качка измотала и меня, — криво усмехнулся Друстан, — и я решил, что несколько капель чудодейственного средства от этой напасти нам не помешают.

— Спасибо.

— Где кубки?

— П-под столом, наверное... или под кроватями...

При тусклом мутном свете лампы под ложем принцессы, рядом с толстенным фолиантом с надписью золотом на корешке «Любовь и смерть на диком острове. Лючинда Карамелли» блеснули два серебряных бока, перекатывающихся в такт метаниям корабля.

Лекарь моментально ухватил их, протер носовым платком и преподнес любимой.

— Держи... сейчас я разолью настой... — лихорадочно вспыхнув, заговорил он, сопровождая подробными комментариями каждое свое действие, — разбавим его водой из кувшина... хорошо, что он прикреплен к стене и неполон... а то бы воду пришлось собирать под дождем... предусмотрительные моряки... Так... наполовину... хорошо... теперь второй... Вода кончилась. Но всё равно хватило... как раз... Теперь помешаем... так... Чудесно! Держи.

— Это действительно поможет? — принцесса с сомнением принялась к слабому аромату аниса и мяты, исходящему от разведенной, но не ставшей от этого менее темной жидкости в фамильном серебре.

— Если это не поможет — не поможет



ничто, — твердо проговорил Друстан.

— Спасибо.

— Счастлив протянуть тебе руку помощи, — ласково улыбнулся он. — А теперь давай мой кубок — и мы выпьем это вместе.

— Держ...

— Друстан!!! Лекарь Друстан!!!

С грохотом, перекрывающим раскаты отдаленного грома, дверь королевских апартаментов распахнулась, и внутрь ворвался Фраган, расплескивая вокруг лужи воды и еще чего-то маслянистого и зловонного.

— Чтоб тебя... — закатил глаза и яростно простонал юноша.

— Друстан!!! Скорей в трюм!!! Там капитану плохо!!!

— А мне — здесь! — прорычал сквозь стиснутые зубы юноша.

— Да давай же скорей!!! — не слыша слов пассажира, перевел дух и снова заорал Фраган так, что буря за стенами захлебнулась от изумления и на мгновение пристыженно притихла. — Прирос ты тут, что ли!!!

И, без дальнейших разговоров, громила-боцман ухватил худощавого лекаря за плечи, без церемоний поставил на ноги, сцапал за запястье и потащил за собой, как гиперпотам — кукольную тележку.

— Подождите меня, ваше высочество!!!.. — только и успел выкрикнуть Друстан перед тем, как скрылся в плюющейся молниями и ливнем темноте наступающей ночи.

\* \* \*

Главный специалист по волшебным наукам окинул удовлетворенным взором плоды трудов своих, скривился непроизвольно от едкой вони, превращающей, казалось, легкие и мозги в драную губку, и устало кивнул.

— Теперь мы сможем добраться хоть до Улада, хоть до Шатт-аль-Шейха, хоть до Вамаяси.

— Не надо. Не надо до Вамаяси. И до Шатт-аль-Шейха не надо, — торопливо прогудел капитан из-под намотанного на лицо рукава камзола, пропитанного составленной на скорую медицинскую руку смесью зелий Друстана, отбивающих если не трюмную вонь, то, по крайней мере, обоняние.<sup>15</sup> Команда — та, что была на

---

<sup>15</sup> Там, где еще недавно была простая и понятная пробоина, пульсировало и поблескивало кислотными огоньками во влажном полумраке, чернильно-черное пятно. Из чего оно состояло — не знал никто, включая студиозуса. Но при одном взгляде на новую заплатку даже самые любопытные предпочитали оставаться в неведении.

данный промежуток времени в сознании и на ногах — истово затрясла ассортиментом накрученных на физиономии ткацких изделий, подтверждая горячее и единодушное согласие.

На днище каравеллы, вокруг груза, помп и на остатках воды — если это еще можно было назвать водой — расплывались психоделические разноцветные пятна, вкрадчиво меняя очертания, окраску и запах.<sup>16</sup> Некоторые из них собирались в жутковатого вида рожи, скалились и гадко подмигивали. По маслянистой поверхности плавали, рассеяно почесываясь, отсеченные Сенькой и Олафом черные щупальца. На ногах людей медленно дотлевали и расползались на ошметки недоеденные мерзкой жижей сапоги и ботинки.

— Дойдем до Бриггста, — покачал головой Фраган с таким видом, будто ожидал, что субстанция, закрывшая пробоину, с минут на минуту отделится оттуда и набросится на него, — Демонами морскими клянусь... даже такие свиньи, как уладцы, увидев этакое... светопереставление... сразу дадут нам коль не новую посудину, то все для полноценного ремонта нужное.

— А у меня что — неполноценный, что ли? —

---

<sup>16</sup> Но никогда — в сторону улучшения.



слабонервные... Нет, если пугает — так я ведь это и убрать могу!

Слезящиеся от непрерывной рези глаза гвентян загорелись надеждой.

— ...и сделать всё, как было — дыра, вода...

Надежда погасла.

Но не совсем.

— Или... — задумчиво продолжил вдохновенный кудесник, которого теперь так легко уже было не остановить, — если разобраться... можно ведь и по-другому извернуться... Как раз мне на ум только что пришло еще одно маленькое, но преполезненькое заклинаньице...

— НЕТ!!!

— НЕ НАДО!!!

— ТОЛЬКО НЕ ЭТО!!!

Агафон уязвленно моргнул, отвернулся и дернул плечом.

— Ну как хотите...

Всеобщий вздох облегчения стал ему дополнительной порцией морской соли на ране.

— Двадцать два года живу — и все двадцать два года познаю, что нет предела человеческой неблагодарности, — пробормотал он с видом праведника на костре. — Не понимаю, почему говорят — «делай добро и бросай его в воду», когда...

— Эссельте?..

Недоуменный голос эрла Ривала донесся откуда-то сверху, из мутного квадрата люка, озаряющего трюм тусклым светом неразбиваемой лампы из морского стекла.

— Что — Эссельте? — мгновенно оторвался от своих пациентов и насторожился лекарь.

— Я спрашиваю, Эссельте тут нет? — недовольно прорычал эрл, малодушно и малозаметно покинувший поля боя с пробоиной еще минут двадцать назад.

— Ее высочества?! — как один, опешили и вытаращили глаза моряки. — Здесь?!

— Что ей тут делать? — физиономия капитана изумленно вытянулась под импровизированным респиратором, но, тем не менее, он дал знак матросам, и те бросились обшаривать темные закоулки сырого брюха каравеллы,<sup>17</sup> выкликая на разные голоса имя принцессы.

Как и ожидалось, результатами их усилия не увенчались.

— Ее высочества тут нет, ваше сиятельство! — доложил боцман, подобострастно изогнув шею.

— Поищите ее в королевской каюте, — капитана осенила свежая идея.

---

<sup>17</sup> Предусмотрительно перепрыгивая с ящика на ящик.

— В каюте ее тоже нет, болван!!! — рявкнул Ривал, топнул в сердцах ногой, словно хотел пробить в настиле дыру, и бурно загрохотал сапогами, недопереваренными прожорливой жижей, по средней палубе, неистово хлопая всеми попадающимися по пути дверями.

Серафима поняла, что именно этот стук она слышала несколькими минутами раньше. И означать сей факт мог только одно: что кипящий растерянностью и гневом эрл, прежде чем заглянуть в зловонный трюм в поисках принцессы, успел перевернуть всё судно вверх дном.<sup>18</sup>

— Эссельте пропала?.. — бард непонимающе наморщил лоб и озадаченно пошевелил грязными пальцами ног, стыдливо выглядывающими из останков щегольских юфтевых сапожек. — Как человек может пропасть с корабля?

— Бросилась в море, — не мудрствуя лукаво, ответил Агафон.

— Смыло за борт? — осторожно допустил Фраган.

— Демоны морские украли? — предположил, и тут же заозирался в суеверном страхе

---

<sup>18</sup> К счастью, лишь в переносном смысле. Третье вмешательство Агафона в навигацию «Гвентянской девы» каравелла пережила бы вряд ли.

широкоплечий рябой матросик.

— Какие демоны?!

Моряки шарахнулись, испуганные не на шутку, и из-за их спин вскочила и бросилась вверх по трапу гибкая худая фигура в черном камзоле.

Серафима и Олаф удивленно переглянулись, но буйный всплеск эмоций со стороны невозмутимого и почти не заметного доселе медработника озадачил, казалось, не только их. Вслед стремительно удаляющемуся Друстану вытаращили глаза, позабыв про ядовитые миазмы, томно испаряющиеся с поверхности агафоновой воды, Огрин и Кириан.

— Ну, чего уставились? — сердито рявкнул Гильдас.

Друид с певцом тут же пристыженно втянули головы в плечи и одарили капитана возмущенными косыми взглядами.

Но тому было не до них.

— Все, кто в состоянии — руки в ноги взяли... или наоборот... кому как удобнее... после такого смрада... и побежали искать ее высочество! — приложив сложенные рупором ладони к скрытому под бывшим рукавом рту, проорал Гильдас. — И быстро, быстро! На раз-два-три! Ишь, уши развесили, языки распустили! Огурцы морские, а не матросы!..

Через три минуты весь корабль был обшарен,



обыскан, перетряхнут, и разве что не вывернут наизнанку силами команды и добровольцами антигаурдаковской интербригады. Принцессы не было и следа. А заодно, выяснилось походя, в необъявленном направлении исчез и капитанский ялик, любовно припрятанный от бурь и шаловливых ручек в канатном коробе на палубе.

— Ее высочество взяла лодку и уплыла?.. — тупо взирая на осиротевший элинг, Гильдас озвучил всеобщее недоумение.

— Ты хочешь сказать, она перетащила ее к борту, спустила на воду, прыгнула в нее и, налегая на весла, угребла подальше? — уточнила Серафима, с наслаждением потягиваясь и впитывая всеми забитыми трюмной вонью и грязью порами робко зарождающийся соленый морской рассвет.

Предложенная поправка вогнала почтенную корабельную и сухопутную публику в состояние глубокого ступора: представить себе хрупкую принцессу не то, что азартно угребающей куда подальше, но и просто перетаскивающей тяжелую лодку по палубе, сбрасывающей ее в гуляющие нервически волны и прыгивающей следом не мог не только старый морской волк Гильдас, но и такой профессиональный фантазер, как Кириан.

И вдруг багровая небритая физиономия оставшегося не у дел дядюшки перекосилась.

— О, не-е-е-ет, — повернулся к Сеньке

грузный эрл и недобро ощерился. — Почему это — «спустила», «утащила», «угребла»?.. Ты забываешь про своего приятеля, девица!

— Про Олафа? — царевна непонимающе перевела взгляд на огромного отряга — самого опытного моряка их отряда. — Олаф, признайся честно. Ты имеешь какое-ни...

— Не придуривайся!!! — подскочил и прорычал сквозь зубы опростоволосившийся королевский родич. — Ты прекрасно знаешь, о ком я веду речь!

Глаза Сеньки вытаращились до предела.

— АГАФОН?!

— При чем тут я?! — праведное возмущение студиозуса взметнулось выше неохотно поднимающегося солнца, шире пролива Трехсот островов.

— ПРИЧЕМ ТУТ ОН?! — раскатисто поддержал его эрл, и устоявшие во время бури мачты флагмана трусливо дрогнули.

— А причем тут тогда кто? — заторможенно мигая, выдавила озадаченная царевна.

— Ваш приятель!!! Который спал в каюте!!! Вот кто!!! — проорал эрл так, что матросы шарахнулись в разные стороны и попытались спрятаться друг за друга.

— Иван?

Серафима с облегчением расплылась в

улыбке.

— Ну, насчет *этого* приятеля вы можете быть абсолютно спокойны. Некоторое время назад он выпил волшебного зелья, и спать еще будет несколько дней без передыху.

— Когда устанет — может быть, — тихим ядовитым голосом проговорил Ривал.

— В смысле?.. — конунг бережно наклонился над алой лысиной готового взорваться эрла и удивленно наморщил лоб.

— В том смысле, что, похоже, этот ваш спящий красавец умотал с корабля вместе с моей племянницей, вот в каком смысле!!! — эрл воинственно задрал налитую кровью перекошенную физиономию и проревел бешеным быком: — Он украл ее!!! Похитил!!! Умыкнул!!! Уворовал!!! Стянул!!! Спер!!! Стащил!!! Стибрил!!!..

— ЧТО?!?!?!?!?!.. — слились в ошеломленный хор несколько голосов.

И голоса эти принадлежали Серафиме, Олафу, Агафону и лекарю.

Не дожидаясь ни дальнейших пояснений, ни последующих оскорблений, все четверо вихрем бросились в таинственно покинутую бедной Эссельте каюту. Эрл, бард, друид и капитан — за ними по пятам. Дверь, не пережившая нового штурма, с прощальным грохотом хлопнулась на

пол, и перед горящими взорами ворвавшихся предстали совершенно пустые апартаменты. Ривал подскочил за плечом Олафа пару раз, но так и не сумел углядеть из-за могучей спинушки отряга ничегошеньки ни единым глазком. Что, впрочем, не смогло удержать его от торжествующего восклицания.

— Ага!!! Я же говорил!!!..

— Иван?.. — недоверчиво позвал волшебник и, не получив ответа,<sup>19</sup> заглянул сперва в шкаф, потом под обе кровати. Больше мест в королевских покоях, где бы смог спрятаться даже профессиональный игрок в прятки, не было.

Полный гардероб пропавшей невесты, три недовольных паука, один засохший краб, одна бронзовая ночная ваза, одна книжка и два пустых серебряных кубка — вот и всё, что принес ему самый тщательный поиск.

При виде кубков лекарь охнул, спал с лица, кинулся на только что освобожденный Агафоном пол и принялся ползать по нему, ощупывая расстеленный посредине ковер и обнюхивая его, словно обезумев.

— Друстан?.. — присел на корточки рядом

---

<sup>19</sup> Что, учитывая предполагаемое состояние лукоморца, было, скорее, предсказуемо, нежели удивительно.

Кириан и заинтересованно заглянул в лицо медработнику, очевидно, внезапно лишившемуся рассудка. — Не знал, что у тебя имеются поисково-розыскные способности.

Тот прорычал в ответ нечто неразборчивое с таким видом, точно собирался укусить любопытного менестреля. Певец намек понял.

— Хороший лекарь, хороший... — успокоительно пробормотал он, плавно принимая вертикальное положение и осторожно пятясь под защиту столпившихся у входа людей.

Когда бард оказался в безопасности, рука его сама потянулась к карманной арфе, а с языка полились спонтанные стихи:

Зачем ты ползаешь по полу,  
Неужли ты забыл о том,  
Что лекарь ты, а не кинолог,  
И нет собак вокруг притом.  
Вставай сейчас же, наш затейник,  
Четвероногий костоправ,  
А то Ривал тебе ошейник  
Наденет вдруг и будет прав...

— От лица своего бессловесного собрата я приношу тебе большую благодарность, молодой человек, потому что вследствие твоих поползновений он, без сомнения, стал значительно

чище, особенно после сегодняшней ночи, когда по бедняге все кому не лень топтались в грязных сапожищах, — прошуршал неожиданно, прервав поток перенервничавшего сознания ворчливый мохеровый голос. — Но если бы ты просто спросил меня, куда подевались Иван с принцессой, я бы просто ответил.

Друстан замер. Остальные гвентяне разинули рты и бешено закрутили головами в поисках заговорившего невидимки. У маленького, и только что ставшего еще меньше отряда такой необходимости не было.

— Масдай!!!

— Где Иван?

— Куда он делся?

— Когда?..

— Часа три назад. С первыми лучами солнца, — спокойно и важно начал отвечать ковер на сыпавшиеся градом вопросы. — Они вышли на палубу вместе, судя по звукам, спустили на воду лодку, потом сели в нее и уплыли.

— Но зачем?

— Почему?

— Отчего?..

— Он оставил тебе записку, Серафима, — прошелестел ковер. — Вон там, на столе. Под пресс-папье.

Сенька коршуном метнулась к столу, вырвала

из-под танцующего на хвосте бронзового кита маленький листочек надушенной розовой бумаги, и жадно впиалась глазами в неровные чернильные строчки, нацарапанные родным корявым почерком.

«Сеня, извини меня. Я срочно влюбился в девушку, которая находилась в этой каюте, когда я очнулся. А она так же внезапно полюбила меня. Кстати, надо как-нибудь деликатно узнать, как ее зовут. И теперь, когда друг без друга нам нет больше жизни, мы решили укр (зачеркнуто много раз) взять в краткосрочное пользование лодку и сбежать на край Белого Света. Просить тебя выплатить стоимость лодки капитану этого судна было бы с моей стороны очень бестактно?.. Боюсь, что да. Извини меня еще раз... или два... или сколько получится... если получится вообще. Я сам ничего не понимаю. Прощай. Наша встреча была ошибкой, которую надо забыть как можно скорее. Искренне, твой любящий... раньше... муж — Иван».

Бледная как полотно царица перечитала записку снова и снова, потом вслух, потом по предложению с расстановкой и выражениями, потом задом наперед, потом по диагонали...

Понятнее содержимое от этого, увы, не стало. Ни ей, ни друзьям, ни гвентянам.

По крайней мере, всем, кроме одного.

Белый, словно все снега ее родины, знахарь

испустил душераздирающий стон, схватился за голову и выскочил из каюты прочь. Кроме отряга, его ухода никто не заметил.<sup>20</sup>

— Куда они уплыли, там не написано? — багровый и угрюмый, как грозовая туча, эрл отодвинул Огрину, протаранил Кириана, торопливо заглянул через плечо царевне в дрожащую в ее руках бумажку цвета буйствующего за иллюминатором восхода и хищно зашарил глазами по строчкам.

— Написано... — скривилась в деревянной усмешке Сенька. — Весьма точный адрес. Край света. Стучать три раза. Корреспонденцию оставлять под ковриком.

— Абсолютно рандомная сюрреальность темпорально-временного континуума... — потрясенно покачал патлатой головой Агафон, и в ответ на недоуменно-уважительные взгляды снисходительно перевел с научно-волшебного на нормально-общечеловеческий. — Дурдом, говорю, полнейший.

— Надо срочно ставить запасные паруса и плыть за ними!!! — близкий к апоплексическому удару Ривал обернулся к отпрянувшему от

---

<sup>20</sup> Люди размера Олафа всегда замечают, когда люди размера Друстана едва не опрокидывают их на пол.



неожиданности капитану и попер на него пухлой грудью, как на новую пробоину. — Ну, чего?! Чего ты тут рот разинул?! Иди, команду! Ставь все паруса! Давай полный ход!

— Матросы уже делают всё, от них зависящее, — почтительно опустил глаза и сцепил зубы Гильдас. — Но оставшиеся мачты повреждены. И если мы поднимем все паруса, то просто потеряем их.

— Тогда поднимай не все! Неужели даже одного паруса недостаточно, чтобы королевский флагман догнал какую-то паршивую гребную скорлупку?!

— Достаточно, — натужно кивнул капитан, но по лицу его было видно, что с языка рвались совсем другие слова.<sup>21</sup>

— Ну так что же?! — гневно раздувая крылья короткого толстого носа, топнул Ривал, не подозревающий о призываемых на его больную голову катаклизмах.

— В каком направлении идти? — сухо

---

<sup>21</sup> Относящиеся к эпитету «паршивый» в применении к его любимому ялику, а также к самому эрлу, его семье, его дальним и ближним родственникам, предкам, потомкам и прочим домашним животным, включая мышей, ужей, ежей и тараканов.

вопросил Гильдас.

— Д-демоны морские... — моментально сдулся и простонал, обуреваемый бессильной яростью, эрл. — Кто-нибудь знает, где находится конец света?

— Где — не знаем. Но когда — сказать сможем, — угрюмо проговорил Олаф.

— Что?.. — недопонял Ривал.

— Причем тут?.. — презрительно выпятил нижнюю губу бард.

— И когда же? — перебил соотечественников и саркастично прищурился Огрин.

Гигантский воин невозмутимо пошевелил губами, загнул методично несколько пальцев и, удовлетворенный результатами, сообщил:

— Через полтора месяца.

— И откель такая точность? — язвительно усмехнулся эрл.

— Через полтора месяца восстанет Гаурдак, — мрачно произнес Агафон. — Известно наверняка. Увы.

А Сенька сумрачно добавила:

— И если представители пяти родов Выживших в этот момент рядом с ним не окажутся, то все ваши так называемые проблемы решатся автоматически. Хотя, может, это вас порадует.

— Порадует?! Порадует?! К сиххё такую радость!!! — Ривал схватился толстыми ручищами

за область сердца, обоих легких, печени и желудка.<sup>22</sup>

— А вы, кстати, кто у нас будете? — с новым любопытством миннезингер оглядел свалившихся с грозового неба гостей. — Вы ведь здесь не случайно, чует мое предынфарктное сердце-вещун?

— Единственный башковитый человек на этой калоше... — устало хмыкнул конунг.

— Вы — потомки Выживших, — мутные после ночного бдения в смрадном трюме глаза песнопевца засветились сиянием охотника, напавшего на след долго ускользавшей добычи. — Ты — посланец холодной Отрягии... Пропавший Иван — сын лукоморского царя, судя по имени... Девушка?..

— Я тут так... за компанию, — пасмурно дернула плечом царевна.

— ...жена лукоморца, — азартно продолжил перечислять сам себе Кириан. — Ну, а маг...

Бард озадаченно примолк на секунду и задумчиво скосил глаза на единственного не названного пока визитера.

— Откровенно говоря... и это не комплимент... это суровые будни правды... Я вас

---

<sup>22</sup> С ладонями такой величины локализовать с первой попытки одно сердце у него не получалось никогда.

представлял себе несколько... э-э-э-э... постарше, что ли... премудрый Адалет.

Агафон усмехнулся.

— Старый маг-хранитель направился один к месту встречи, и поручил волшебную сторону обеспечения безопасности кворума решать теперь мне, как самому компетентному и могучему чародею современности, — скромно пояснил он суть вопроса.

— И вы прибыли в наши края... прибыли на... э-э-э-э?..

Кириан беспомощно воззрился на него в поисках намека на средство передвижения самого компетентного и могучего чародея современности, и тут же получил искомое.

— На мне они прибыли, на мне. Можно уже было бы догадаться, — брюзгливо пробурчал влажный шерстяной голос с левой кровати.

Хозяева впервые поняли, что за бестелесный глас раздавался доселе в королевских апартаментах, и ахнули.

— Разрешите представить — Масдай, разумный ковер-самолет, — важно кивнул в сторону ковра студиозус, донельзя довольный в кои-то веки своевременным вмешательством их ворчливого транспортного средства. — На нем и перемещаемся.

— П-понятно, — дружно кивнули гвентяне.

Иного для фигуры такой величины и полета, как само его премудрие Агафоник Великий, они и не ожидали.

— А что вы делали посреди пролива, осмелюсь полюбопытствовать? — осмелился и полюбопытствовал друид.

— Летели вытаскивать из плена Конначту, — мрачно отвечив Олафу. — Горвенол нам всё рассказал.

В каюте на миг повисло невеселое молчание.

— А что будете делать теперь?

— А пень его зна... — угрюмо начала было царевна, но вдруг просветлела ликом, звучно шлепнула себя по лбу и, будто в следующей фигуре какого-то причудливого танца принялась энергично хлопать себя по груди и бокам.

— Иваноискатель!!!

Пары кратких слов пояснения хватило царевне, чтобы к ее оживленному возбуждению с энтузиазмом присоединились и все остальные.

— Капитан, поторопи там своих крабов кособоких с парусами! — довольно ухмыляясь во весь рот, Ривал махнул мясистой ручищей в предполагаемом направлении парусов. — Сразу, как можно будет поставить хоть один, выходим в погоню! Ох, и вздую же я этого героя-любownika, ох и взгрею!.. Девка с пятнадцати лет ни про каких женихов слышать не желала, а тут — на тебе!

Десять минут — и пешка в дамках! И когда!!!.. Ох, уж мне энти бабники заморские!..

Сенька не сразу поняла, что раззадорившийся эрл речь ведет не о каком-то абстрактном ходоке по женской части, а об ее Иванушке.

В иные времена сей факт стал бы ей поводом для веселья до конца недели.

— Всё равно ничего не понимаю, — снова насупилась и помрачнела она. — Ну не мог он так вдруг влюбиться по уши в кого попало! У него бы только на одно знакомство три дня ушло!..

— А они не знакомясь — чтобы время не тратить, — убедившись предусмотрительно, что дядюшка принцессы его не слышит, гыгыкнул в рукав Кириан.

— В кого попало — это в кого, то бишь? — сурово насупился эрл, заподозривший в сказанном тонкий намек на что-то смутно известное.

— Любви все возрасты покорны, — авторитетно изрек друид, пригладив впервые по-настоящему растрепанную бороду, с видом человека, которому такая дурь не могла прийти в голову по определению.

— Это моя вина.

— Что?..

Все оглянулись на оставшийся бездверным вход, откуда донесся отрешенно-потухший голос.

— Ты? — презрительно скривился эрл на

придворного лекаря. — Проветрился, что ли? Или не совсем?

— Погоди, Ривал, — строго прикрикнул на королевского родича Огрин, быстро подошел к застывшему в дверном проеме знахарю, приобнял его тонкой костистой рукой за плечи и завел в каюту. — Ну-ка, иди к нам сюда, мальчик, иди-ка...

Друстан покорно шагнул на середину и остановился, повесив голову и ссутулив плечи, будто на суде.

— Что ты знаешь про исчезновение Эссельте, расскажи, — тихо и вкрадчиво, будто стилет, входящий в плоть, ласковым голосом проговорил верховный друид. — Всё расскажи, сын мой, всё...

И Друстан, глядя лишившимися жизни потухшими глазами куда-то в иные миры, рассказал всё. Про любовь, про отчаяние, про безумное решение, казавшееся тогда, бурной ночью, таким гениальным, про роковую случайность...

— Это верно, — шершаво подтвердил Масдай со своего ложа. — Иван очнулся и сказал, что его тошнит от качки. Тогда добрая девушка дала ему выпить средство от морской болезни. И выпила сама.

Придушить опального знахаря на месте лишившемуся дара цензурной речи Ривалу не позволила только мгновенная реакция и стальная хватка Олафа. И окончание нехитрой истории

потрясенного не менее остальных влюбленного лекаря эрл, кипящий на грани апоплексического криза, дослушивал, конвульсируя и сыпля проклятьями в надежных руках рыжего конунга.

— ...я и сейчас уверен, что моё любовное зелье не могло повлиять на чувства, уже существовавшие между нами... мы любили друг друга давно... и нежно... и сильнее этой любви на этом свете быть не может ни на земле, ни под землей... Но оно подтолкнуло бы несчастную Эссельте избежать ужасного исхода. Но злая судьба... случай... погубили всё. И теперь я готов понести любое наказание. Потому что без Эссельте... без Эссельте... без нее... Нет смысла жить, — хриплый прерывистый шепот Друстана сошел на нет.

Одновременно вернулся голос к Ривалу.

— Повесить мерзавца на рее!!! Швырнуть в воду связанным!!! Шкуру...

Развить мысль впервые за шестьдесят два года поймавшего музу творческого вдохновения эрлу не дала царевна.

— Послушай, ты... гусь... — ласково стиснув зубы и кулаки, обратилась она к незадачливому влюбленному. — От твоего средства противоядие имеется?

— Противоя... отворотное зелье, то есть? — медленно моргнул юноша. — Да, конечно... Если



бы Эссельте не сбежала... я бы мог приготовить его за полдня. Даже здесь, на корабле. Но сейчас... когда она навеки потеряна для тех, кто любит ее и был дорог ей...

— Для дядюшки? — не удержалась Сенька, и заработала яростную вспышку холодных сапфиров-глаз.

— Вот так-то лучше, лебедь умирающий, — довольно хмыкнула она. — А теперь кончай агонизировать и слушай меня. Сейчас мы закончим латать снасти и отправимся за беглецами.

— Но никто не знает, куда! — в противовес своим безнадежным словам радостно встрепенулся лекарь.

— Никто — не знает. Я знаю, — самодовольно усмехнулась она. — Когда мы их перехватим, ты сможешь приготовить свою отраву?

— Мои зелья — не отравы!

— От них очень большая польза, — усмехнулась царица. — Ну так сможешь?

— Да.

Эрл оживился и так энергично потер пухлые ладони, что если бы между ними были бы зажаты две деревяшки, из рук его уже вырывалось бы пламя высотой с отсутствующую грот-мачту.

— На веслах они не могли далеко уйти, даже если поймали течение! Через час-другой мы уже будем у них на хвосте! А вечером, голубь ты мой

сизокрылый... — Ривал прищурился плотноядно, — когда моя племянница будет приведена в чувства... мы подумаем, что делать с тобой. А то ишь — мы его на помойке подобрали, а он нам...

— Капитан, капитан, беда!!!..

Едва не снеся на своем пути торжествующего эрла, снова впавшего в отчаяние Друстана и загадочно ухмыляющегося архидруида, в королевские покои снарядом из царь-катапульты влетел запыхавшийся Фраган, беспорядочно размахивая руками и вращая глазами.

Дверь под его ногами тихо порадовалась своевременной отставке.

— Капитан!!!..

Щеки верного боцмана были покрыты малиновыми пятнами, челюсть отвисла, волосы стали дыбом и, похоже, пытались сняться с якоря и отправиться в поисках местечка поспокойнее.

— Я тут нипричем! — автоматически занял оборонительную позицию специалист по волшебным наукам, но на этот раз, как ни странно, противного никто и не утверждал.

— Что случилось? — побледнел и схватился за сердце Гильдас. — Пираты? Только не это, только не это...

— Не это, — поспешно успокоил капитана старый моряк. — Не пираты. Хуже пиратов.

Гвентяне быстро сложили два и два и

побелели уже всей диаспорой.

— У...улады?... — с бесплотно-бесплодной надеждой на отрицательный ответ выдавил Ривал.

— Они самые, чтоб их сиххё утащили... — перекосило боцмана. — Уладский флагман. По левому борту. С вымпелом самого Морхольта. Подняли сигнальные флажки — сообщают, что мы находимся в их территориальных водах, строго на восток от Бриггста, часах в двух пути. А еще они спрашивают, как у нас дела.

— Пусть лучше в подозрную трубу поглядят, как у нас дела!!! — капитан на секунду позабыл о государственных проблемах и вскипел давно копившейся истерикой. — Эту проклятую заплатку как раз должно быть видно из воды! Вместе со всеми щупальцами! И клешнями! И стрекалами! И глазками, если это можно так назвать!!!..

— Наверное, поглядели уже, — со страдальческой гримасой, будто у него заболели все зубы сразу, сообщил Фраган. — Потому что они еще спрашивают, как себя чувствует ее высочество и не хочет ли она перейти на их корабль.

В каюте воцарилась звенящая, дрожащая и вибрирующая на грани взрыва тишина.

Капитан молча осел на перевернутую банкетку, Огрин сделал шаг назад, споткнулся о собственную ногу и бухнулся на колени капитану, Друстан выронил шляпу прямо в лужу разлитых

чернил, Кириан подавился поднятым украдкой с ковра засахаренным инжиром... Ривал выглядел так, словно боцман только что объявил день и час его похорон. И до начала мероприятия оставалось не более двух часов.

— И что ты им ответил? — перехватила Серафима выпавшие из гвентянских ослабевших рук бразды правления чрезвычайной ситуаций.

— Ничего. Пока, — торопливо добавил боцман. — Но если уладский военный фрегат задает вопрос...

— Ха! Фрегат! Военный! — сипло и не слишком убедительно попытался изобразить воинственно-презрительный смешок капитан. — Калоша рваная, а не фрегат! Да если бы «Гвентянская дева» не попала в этот треклятый шторм, не потеряла плавучесть и мореходные качества, и нам не пришлось бы сбросить все катапульты, мы бы от этого так называемого военного фрегата камня на камне... доски на доске... гвоздя на гвозде...

— Просигналь им, что у нас всё в порядке, — предоставив Гильдасу предаваться сладким грезам, деловито распорядилась царевна. — Скоро будем.

— Как скоро? — не уходил Фраган.

— Как только, так сразу, — исчерпывающе пояснила Сенька.

Моряк кинул вопросительный взгляд на

вернувшегося в окружающую действительность капитана, угрюмо жующего пегий ус, получил подтверждение неохотным кивком, заторопился выполнять, но вдруг встал в самых дверях и размашисто и звучно хлопнул себя подзорной трубой по лбу.

— Ах, болван... Совсем забыл. Еще они говорят, что проводят нас до Бриггста. Чтобы не подвергать опасности жизнь невесты их драного Морхольта еще раз, — хмурый боцман походя уложил на свежевырытую могилу эрла стотонную гранитную плиту, смачно выругался и вприскокку помчался к сигнальной мачте.

— А вот это — дренец, — проследив задумчивым взором, как косолапая коренастая фигура боцмана исчезла за углом, царевна проникновенно и глубокомысленно выразила всеобщее настроение. — И не исключено, что на холодец.

— Но мы должны догнать Эссельте!

— Но мы не сможем оторваться от уладов!!

— Но мы не смеем рассказать всё Морхольту!!!..

— Почему? — вклинилось недоуменное олафово в слаженный гвентянский хор.

— Что — почему? — в унисон воскликнули эрл, Гильдас и Огрин, и прерванные гвентянские страдания неоконченной лебединой песней повисли

в воздухе.

— Почему бы ему всё не рассказать? — повел крутыми плечами конунг, простодушный и прямолинейный, как выстрел в упор. — Он ведь жених. Он поможет их искать.

— Кто бы сомневался, — загробным голосом провозгласил Кириан. — Поможет. Найдет. А что потом? Воображаю счастливые выкрики уладских сплетников! <sup>23</sup> «Принцесса гвенянтская нагло сбежала из-под венца!» «Невеста Морхольта застукана разъяренным женихом наедине с брутальным незнакомцем в самый интересный момент!» «Эссельте Златокудрая опоена колдовским зельем вероломными гвентянами, чтобы обесчестить первого рыцаря короля!» «Побег принцессы накануне свадьбы — насмешка или издевательство над достоинством брата королевы?» «Срам самого Морхольта выставлен на всеобщее обозрение!» Как оно?

---

<sup>23</sup> В отличие от остального Белого Света, профессия сплетника в Уладе приносила лицам, ее выбравшим, не только чувство глубокого удовлетворения, но и хорошие прибыли. На городских улицах профессиональные сплетники выкрикивали заголовки своих сплетен. Джентльмен или леди, заинтересованные услышанным, подходили к разносчику известий, платили ему за выбранную новость, и он на ушко рассказывал им всё, что знал. И, заодно, всё, что не знал.

— По-моему, не очень. Особенно последние, — честно призналась Сенька, но бард, увлеченный и вдохновленный собственной речью, на ремарку царевны внимания демонстративно не обратил.

— ...это же дипломатический скандал чистой воды! — с горящим в предвкушении новых тем для своих баллад взором вещал он. — А дальше что? Всеобщий позор? Кровная месть? Третья столетняя война? То, что бедолагу Конначту, да упокоится в мире его незадачливое величество, ни мы, ни вы после такого фортеля природы больше не увидите — я даже не упоминаю!..

— Что?! — подскочили в полном составе гости. — Как это — «не увидим»?! А ваш уговор по обмену?!

— Нарушенный нами же? С таким резонансом и последствиями? Не будьте детьми!

— Мы объясним им про Гаурдака!

— Да даже если бы сам Гаурдак явился, чтобы объяснить им про Гаурдака, ославленного на всё Забугорье Морхольта это бы не остановило!

— Он что — идиот?

— Он — Морхольт.

— Понятно. Гораздо хуже, — угрюмо вздохнула царевна.

— Угу, — миннезингер неожиданно запрудил поток красноречия и уныло ссутулил пухлые

плечи. — Есть такие люди... И он — не то, чтобы *один* из них... Он из них — самый первый.

— Уразумели, — обменялись пасмурными взглядами бойцы маленького отряда. — И что будем делать?

— Нам нужно догнать Эссельте!..

— Мы должны вернуть Ивана!..

— Снасти восстанавливать!..

— Конначту спасать!..

— Уладов на абордаж!..

Слаженное выступление спевшегося было хора вполне предсказуемо превратилось сначала в многоголосье, потом в какофонию, но через полминуты смолкла и она.

— А демоны морские его знают, чего нам теперь делать... — брюзгливо поджал губы и первым признался Гильдас.

— Тогда послушайте меня, — твердо объявила Серафима. — Главное — сначала выслушайте. Возражать будете после.

— Что умного может сказать девчонка — ровесница Эссельте? — пренебрежительно фыркнул Ривал из чувства противоречия.

— Реакционерам и шовинистам слова не давали, — задиристо выступил на защиту товарища по оружию волшебник, и эрл сконфужено закрыл



рот.<sup>24</sup>

Сенька скользнула по красной насуспенной физиономии принцессиноного родича безмятежным кротким взглядом и продолжила.

— Для начала даю общие положения. Краткое описание ситуации, так сказать. Или ситуёвины. Кому как субъективно ощущается. На настоящий момент нам нужно: а — вернуть Ивана и Эссельте, и б — выручить из плена Конначту. Если бы не доброхот Морхолт со своим фрегатом и катапультами, совместить обе задачи представлялось сложным, но возможным. Сейчас положение в корне изменилось. И если гвентяне наотрез отказываются рассказать всё, как есть, жениху...

— Отказываемся, — снова дружно и без подсказки грянул хор.

— ...тогда и приоритеты с задачами меняются подобающим образом, — сосредоточенно обводя всех внимательным взглядом, продолжила Сенька. — Я предлагаю — по первому пункту — спустить на воду оставшуюся шлюпку и отправить Друстана с его аптечкой, иваноискателем и командой гребцов по следам сбежавших жертв

---

<sup>24</sup> Не столько от смущения, сколько пытаюсь понять, как его только что обозвали.

человеконенавистнического  
химико-биологического эксперимента...

— Я протестую! — побагровел Ривал.

— Мы протестуем! — стукнул костлявым кулачком по подлокотнику кресла архидруид.

— После, ладно? — недовольная тем, что ее сбили с мысли, поморщилась царица.

Гвентяне сердито загомонили было, но как только оба заводилы-запевалы были подняты Олафом нежно за шкурки и как бы невзначай, но бережно стукнуты макушками о потолок, несанкционированные демонстрации протеста моментально и сами по себе сошли на нет.

— Пожалуйста? — вежливо попросил отряг. — После.

Возражений больше не последовало, ноги Огрини и Ривала воссоединились с ковром, и царица заговорила снова.

— Свадьба, похоже, всё-таки не состоится, и посему первой и единственной задачей партии, которая высадится в Уладе, будет спасение короля.

— Но без ее высочества эти свиньи нам на берег и шаг ступить не дадут!.. — страдальчески возгласил Гильдас, протянув к Сеньке руки как к истине в последней инстанции.

— А вот об этом и будет мой следующий разговор... — царица быстро потупила очи и поторопилась спрятать до поры-до времени

шкодную ухмылку.

Через пятнадцать минут последняя пережившая агафонову бурю шлюпка была спущена на воду, и экипаж из шести гребцов, Фрагана, Друстана и Огриня взял курс на северо-запад, вслед за уверенно напавшей на след стрелочкой хитрого ярославниного прибора.

— Несколько матросов смыло за борт волной у вашей береговой линии во время шторма, — в блестящий медный рупор проорал Гильдас в качестве объяснения уладскому капитану, заинтересованно следившему с мостика за приготовлениями потенциальных союзников-нейтралов-неприятелей. — Мы заметили место, где их выбросило, и мои ребята сейчас пойдут за ними. Помощь не требуется.

Капитан уладов при этих словах подавился гнусным смешком. Команда разразилась откровенным издевательским гоготом.

— Медузы выкидыши... — зло прошипел Гильдас и, яростно сунув рупор в руки подвернувшегося матросику, заорал в голос распоряжения и без того усердствующим на палубе и реях морякам.

А еще через два с половиной часа «Гвентянская дева» в сопровождении уладского «Грома и молнии» бросила якорь в бухточке Бриггста, главного портового города страны. И

после долгих и тщательных сборов и приготовлений, как и полагалось по чину и званию единственной дочери гвентянского монарха и невесте любимого брата уладской королевы, Эссельте Златокудрая в сопровождении свиты сошла по сходням, покрытым красной домотканой дорожкой, на территорию предполагаемого противника.

Впереди принцессы, важно вышагивая и без усталости теребя редующий на глазах ус, шествовал ее дядя, краснолицый и вельможный эрл Ривал, с длиной палкой, чрезвычайно обильно и в такой же степени безвкусно украшенной бумажными цветами, фетровыми листочками, засахаренным инжиром и прошлогодними яблоками.<sup>25</sup>

По правую руку, увешанный музыкальными инструментами, как новогодняя елка в колледже бардов, гордо ступал широко известный в узких кругах придворный менестрель гвентянской короны Кириан Златоуст.

Слева от нее, разинув рот и старательно вертя головой по сторонам, будто пытаясь обозреть, впитать и переварить за считанные минуты весь

---

<sup>25</sup> Символом плодovitости и семейного счастья, согласно старинному гвентянскому обычаю, как чуть позже эрл снисходительно объяснил Морхольту.

Улад вместе взятый, шла горничная в мешковатом сером платье, судя по поведению — еще недавно простая провинциалка.

Замыкал процессию свирепого вида огромный воин — телохранитель принцессы, в экзотическом тупорогом шлеме, с коллекцией топоров за спиной и багажом хозяйки в руках. С левого плеча его свисал, зевакам на удивление, самый большой из когда-либо виденных в Уладе шатт-аль-шейхский ковер, ослепительно-роскошный, хоть и немало подмоченный за время их бурного путешествия.

В самом же центре своего окружения, в скромном желто-кремовом парчовом платье до пят и под почти непрозрачной вуалью, как того требовал свадебный обычай Улада, неспешно плыла лебедушкой сама невеста.

На неровной дощатой пристани ее уже ждал Морхольт. Громадный, черноволосый, заросший дикой бородой, сверкающий недобро из-под нависших смоляных бровей пронзительным синим взглядом воин мог напугать почти любого противника одним лишь своим видом. Так мог бы выглядеть Олаф лет через тридцать, потрудись он к тому времени перекраситься и обменять топоры на равноценное собрание мечей.

Первый рыцарь короны шагнул поперек дороги гвентянской делегации, и процессия остановилась.